

Великое расселение

Людмила Риф

18+

Людмила Риф

Великое Расселение

«Автор»

2026

Риф Л.

Великое Расселение / Л. Риф — «Автор», 2026

Восьмилетний Грег Грейн рос в тени старшего брата, который отказался от графского титула и ушел в «Великое Расселение» — миссию за Красный лес, откуда за пятьсот лет не вернулся никто. Пытаясь выжить в новом доме, найти ответы и не желая покоряться воле семьи, Грег выбирает путь науки. Годы учебы и поиск правды приводят его в королевский дворец Валсора. Но когда молодой лекарь натывается на нестыковки в архивах и раскрывает тайну Короны, из исследователя он превращается в опасного свидетеля. Драма и психологический триллер о медике, попавшем в суровые условия выживания. Вас ждет взросление с главным героем и исследование тайны Валсора! Вы почувствуете смятение и скорбь Грега, жажду знаний и азарт погони за неизвестным, его страх перед новой семьей и горечь предательства. Вы научитесь вновь доверять и обожжетесь о свои же амбиции, проживете страх перед красными гигантами и познаете суровые дни выживания. Вы встанете перед сложными моральными выборами, но сможете ли им противиться?

© Риф Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 - Слухи На Завтрак	5
Глава 2 - Скорбь На Обед	13
Глава 3 - Овечка На Ужин	17
Глава 4 - Лгунья	26
Глава 5 - Лгун	33
Глава 6 - Трое Против Одного	42
Глава 7 - 330-485	53
Глава 8 - Поче	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Людмила Риф

Великое Расселение

Глава 1 - Слухи На Завтрак

Ничего не раззадоривает детское любопытство сильнее, чем захлопнутая перед носом дверь. Будучи сыном графа Грейна — один из лордов пограничных земель, — Грег привык, что любые двери для него распахнуты, поэтому, столкнувшись с препятствием, он вознамерился взять его напролом. Мальчик припал ухом к древесине, прилипнув руками и удерживая под мышкой огромный том в кожаном переплете с тисненными золотыми буквами — самую тяжелую и заумную, что он смог тайком стащить у старшего брата Джорджа.

По ту сторону стучала посуда, шипело масло и гремели голоса прислуги.

— Ну-ка тише дребезжите! — шикнула кухарка Мег. — Раскудахтались всюю, вон чуть было маленький лорд вас не услышал.

С этими словами Мег отошла вглубь кухни, и различать голоса стало труднее. Грег и так и этак пытался пристроиться к скважине, но кроме смазанного шепота ничего не смог разобрать. Шепот звучал то тише, то громче, изредка прерываясь тишиной, не считая стука ножей да треска дров в печи.

Грег было уже отстранился, собираясь постучать и потребовать его впустить, когда до его ушей вновь донесся нарастающий шепот, а за ним — в сердцах брошенное: «...милорд Джордж! ...какой глупый...».

Грег ахнул и чуть было не уронил книгу, которая так и норовила сползти с его бархатной курточкой. Возмущенный словами прислуги, он толкнул створку, намереваясь пристыдить кухарку, как раз в момент, когда разгоряченная работой и переживаниями Мег всплеснула руками и, забывшись, выпалила на одном дыхании:

— Куда только граф смотрит! Бедный наш мальчик Джордж скоро будет мертв, и даже похоронить как следует не получится! На чужбине сгинет же! Ой, канет в пропасть!

Запах крови и сырого мяса ударил в нос. Мальчик замер, забыв как дышать. В голове нарастал кричащий стук: «Джордж мертв, Джордж мертв...». Не выдержав, Грег крепко зажмурился и бросился прочь.

Он бежал без оглядки по длинному коридору, мимо запертых парадных залов, пытаясь скрыться от преследующих слов Мег, однако те не отставали, пока вместе с ними он не выбежал на залитую весенним солнцем террасу, где обедала семья графа Грейна.

Однако привычка соблюдать этикет оказалась сильнее страха. Сжав зубы, Грег выправил спину и взобрался на стул с высокой резной спинкой. Мальчик уставился на мать, которая в тот день даже не подняла глаз от полной тарелки. Она не пожурила сына за опоздание, как это часто бывало, а отец не потрепал Грега кудри, называя снисходительно «юнцом».

Наконец все члены немногочисленного семейства были в сборе, кроме старшего сына. Джордж, как обычно, задержался, увлекшись изучением трактатов по растениеводству или отработкой полученных знаний в поле.

— Джордж скоро будет мертв, — серьезно выпалил Грег, изо всех сил удерживая дрожь в теле и уставившись на отца, который, как и мать, не обратил на его приход внимания. — Так Мег сказала.

Граф оставался неподвижен. Затянутый в строгий темно-зеленый сюртук и подпираемый накрахмаленным воротничком, он сложил руки перед собой и устремил взгляд вдаль — на бледные вершины красных гигантов, еле выглядывавших из-за горизонта. Тогда Грег посмот-

рел на мать и встретился с ее затравленными глазами, которые, как ему показалось, блестели от слез.

— Зачем она так сказала? — допытывался Грег, чувствуя, как голос задрожал.

И вновь мальчик встретился с молчанием. Опустив глаза на серебряные приборы, он перестал надеяться на ответ, когда стол содрогнулся от удара кулака графа Грейна.

— Сейчас же Мег ко мне! — Графиня напротив него вздрогнула. — Пусть выметается из дома немедленно! Без рекомендаций! И с каждым так будет, кто смеет распускать гнусные слухи!

Стоящие рядом слуги в форменных ливреях беспокойно переглянулись, но выполнять приказ не спешили. Они взглядом молили графиню успокоить и отговорить графа от этой затеи, зная вспыльчивый характер главы поместья.

— Чего стоите? — вкрадчиво произнес граф, впиваясь в прислугу гневными глазами. — И вы решили послушаться меня?

Графиня Амитами спешно поднялась, подошла к мужу и нежно положила руку на его плечо.

— Не нужно горячиться, Тирман, дорогой. Мег так постаралась для нас сегодня, — графиня указала на обеденный стол, уставленный едой явно больше, чем для четырех человек. — Уверена, она не желает зла нашему сыну. Как и все остальные, верно?

С этими словами Амитами чуть повернулась к стоящим у стены слугам, строго окинув их взглядом. Те закивали, охотно соглашаясь.

Все притаились в ожидании решения графа, пока графиня невесомо поглаживала его плечо. Наконец Тирман Грейн шумно выдохнул, накрыл руку жены своей и, повернувшись к ней, сказал:

— Вы, как графиня Грейн, должны держать прислугу в узде. Чтобы я не слышал больше, как Мег или остальные, — он зыркнул на замерших слуг, — болтали языком что попало.

— Конечно, — кивнула Амитами и вернулась за стол.

Восьмилетний Грег, наблюдая за вспышкой гнева, еще больше заерзал. Он то и дело поглядывал на двери в ожидании брата, пока обед продолжался в молчании. К тому моменту, как с первыми блюдами было покончено, двери распахнулись и на террасу ступил Джордж.

По сонным глазам, чернильным пятнам на пальцах и жилете, застегнутом не на те пуговицы, легко было понять, что утро он провел за учебой, делая заметки, однако, несмотря на усталость, юноша пребывал в приподнятом расположении духа.

— Доброе утро, семейство! — чуть ли не пропел Джордж, усаживаясь на любимое место — рядом с матерью. — День сегодня замечательный, вы не находите?

Он с охотой набросился на тушеное мясо, перед этим с грохотом бросив стопку книг на стол.

— Ммм, а мясо просто на славу! Матушка, неужто вы постарались? Шучу-шучу, руку Мег здесь сразу узнаю! А я сегодня тоже не бездельничал. Успел дочитать «Овощные культуры и уход за ними». И начал увлекательную, а главное — полезную вещь: «Как распознать лекарственные травы» называется. Я сперва сомневался насчет этого экземпляра. Думаю: «Зачем тратить силы на лишнее, времени же осталось мало». А потом решил, что нельзя слепо полагаться на других! Вот и глянул пару глав, только основные. Кстати, Грег! — он вытер жирный палец о льняную салфетку и протянул брату одну из книг. — Нашел по пути сюда. Интересный выбор, однако, да и больно уж знакомый!

Грег узнал книгу сразу. Он почувствовал, как жжет кончики ушей, но, подняв глаза на брата, увидел, что тот играючи подмигнул ему, и стыд отступил.

Джордж рассказывал о прошедшем утре с увлечением, попутно накладывая в тарелку жареные куриные ножки, тушеные овощи и поливая еду томатным соусом. Вчера он пропустил ужин, поэтому был особенно голоден. Он не обратил внимания ни на перешептывающихся

слуг, ни на молчание членов семьи. Быстро доев, Джордж принялся наливать себе чай из пузатого фарфорового чайника и только тогда заметил, что никто и слова не произнес после его прихода. Граф и графиня лишь украдкой поглядывали на него, избегая прямого взгляда. Эти взгляды, в которых читалась грусть, были знакомы Джорджу, как и шепот, с недавних пор преследующий его в стенах поместья. Даже Грег, который знал лишь малую часть о планах брата, выглядел встревоженным. Обычно мальчик улавливал каждое слово, сыпал вопросами, бросал все дела, когда в поле зрения появлялся старший. Джордж был для Грега отдельной вселенной, не похожей на его собственную, а потому притягательной. Он всегда знал, что сказать, чтобы поставить младшего в тупик, заставить его поразмыслить, усомниться в устоявшихся истинах. Грег преображался рядом с ним — тихий мальчик превращался в оркестр, играющий невпопад. Но главное, Джордж был ему другом в мире, где не каждые братья — друзья.

И тем не менее в то утро Грег затих, пропуская мимо ушей слова брата. Он лениво ел яблочный пирог, теребя край жилета.

— Как прошло ваше утро, мама? — спросил Джордж, поднося чашку к губам. — Почтовый дилижанс уже проезжал?

— Да, — ответила графиня, пытаясь отогнать навязчивые мысли и приободриться. — Курьер оставил свежую газету и пару писем еще на рассвете.

— Есть новости?

— Ничего интересного, что стоило бы внимания.

— Я все же настаиваю, — улыбнулся Джордж.

— Дай вспомнить, — графиня пробежалась в памяти по событиям. — В заметке говорилось про королеву Валиссандру. У Ее Величества появилось новое увлечение — цветы. И, кажется, во дворце ведутся работы по постройке ее личного, закрытого сада.

— Вот и правильно, цветы — это для женщин, — поспешно включился в разговор Тирман.

— А мне цветы нравятся, — усмехнулся Джордж.

Граф поджал губы, намеренно оставляя без внимания слова сына, и продолжил мысль:

— Полевые культуры — вот что по-настоящему радует глаз. Взрастить урожай — это целое дело! Тут ум нужен, сноровка! А польза какая: вот выхожу бывало в колосающиеся поля, раскину руки и как вдохну аромат земли! И на душе спокойно, ведь знаю — графство будет сыто целый год. Ради такого стоит трудиться.

— Тут ты прав, отец, — согласился Джордж, откинувшись на спинку стула. — Не понимаю, как можно быть равнодушным к полям, засеянным пшеницей или кукурузой, к лугам, к нашей реке Спес, дающей воду и прохладу в летний день. Их простота и понятность — благодать для меня.

Граф Грейн согласно кивнул, подвигая стул ближе к сыну. Затем он обратился к графине, когда за столом повисла тишина:

— Амидами, дорогая, рассказывайте дальше. Что еще вычитали?

Графиня, помедлив, ответила:

— Помню, говорилось про графа Феркрата из восточного герцогства... Да, точно! Он выдает младшую дочь за торговца. Простолюдина, представляете! Я, конечно, краем уха слышала, что на востоке люди живут скромнее нашего, но не предполагала, что дела настолько плохи.

— Да, дорогая, на востоке дела всегда шли туго, — цокнул граф. — Почва совершенно не подходит для культур — одни камни. Ближе к морю, правда, дела лучше. Но насколько я знаю, граф Феркрат моря не видел и вряд ли увидит! То ли дело наше пограничное графство! Голода, сколько себя помню, я не знавал.

Грег слушал разговор вполуха. Гораздо интереснее было изучать брата, пытаясь углядеть в нем признаки болезни. Джорджу, как и Грегу, была присуща худоба, доставшаяся от матери.

Однако на старшем она выделялась особенно явно из-за постоянного недоедания. Сальные темные волосы были длинными и привычно заплетены в низкий хвост. Порезы и чернильные пятна на пальцах оставались на привычных местах, а сам Джордж выглядел неряшливо и устало, но страдающим от болезни его назвать было нельзя. Поэтому мальчик терялся в догадках, почему его брат скоро должен умереть.

Но как только прозвучало заветное слово «море», мысли Грегa рассыпались, и перед ним предстал образ смеющегося Джорджа, который стоял по колено в бесконечной воде и махал ему рукой. Они плескались и бегали по берегу, а после сидели на песке, бросая камешки в воду, пока волны омывали им ступни.

— Джордж! — неожиданно для самого себя вскрикнул Грег. — Ты же обещал показать мне море. Помнишь? Но как успеть? Шесть дней всего осталось!

Лицо Джорджа побледнело, а сам он оцепенел. От страха, что последним воспоминанием о нем будет невыполненное обещание, беспечно данное пару лет назад. И хуже всего осознание — возможности были, однако Джордж тратил время на другие заботы, откладывая приключения раз за разом, пока его совсем не осталось.

— Грег, — имя брата далось Джорджу с особым трудом. — Я не могу поехать с тобой. Мне очень жаль, прости меня!

— Но Джордж... — начал Грег, но так и не закончил фразу.

Джордж впился в брата взглядом и покачал головой, умоляя не уговаривать. Если бы только Грег знал, какой силой обладает над ним! Если бы он знал, то точно не отступил бы, но Грег был ребенком.

Однако от графини Амитами не скрылась уязвимость старшего сына. Она подала знак мужу, и тот без объяснений кивнул в ответ:

— Грег, который час? — спросил он сына, доставая из кармана золотые часы и щелкая крышкой.

— Время обеда? — озадаченно предположил тот.

— Время спешить на занятия. Сегодня они начнутся раньше, — пояснил Тирман. — Иди сейчас же!

— Но я не доел пирог! — запротестовал Грег.

— Начнешь раньше — закончишь раньше, — отрезала Амитами, но затем добавила мягче, видя, как сын с обидой зыркнул в ответ: — Пирог отнесут в учебный кабинет, там и доешь. Иди, родной.

На террасе остались трое. Графиня подошла к сыну и стала медленно перебирать его длинные, заплетенные в хвост волосы.

— Все в порядке, сын, — ласково начала Амитами, поглядывая на мужа. — Я знаю, тебе непросто. Но есть другой путь выполнить обещание.

— И какой же?

— Все просто, — через силу графиня говорила бодро, — я и отец отвезем Грегa на море.

— Спасибо, — с благодарностью ответил Джордж.

— Подарок на день рождения мы тоже подготовим, какой скажешь! И на все последующие, ты только скажи, что хочешь подарить.

На сердце Джорджа полегчало. Ему было радостно думать, что теперь Грег будет помнить о нем хотя бы в ближайшие годы и что он не так скоро превратится лишь в отголосок воспоминаний.

После короткой паузы графиня продолжила, вздыхая:

— Но, родной мой мальчик, к сожалению, все праздники предугадать невозможно. Свадьбу Грегa и рождение твоих племянников ты все же пропустишь.

— Да..., — с печалью в голосе отозвался Джордж. — Я понимаю.

— Мы постараемся продумать такие события заранее, — неуверенно вставил граф, на что получил от жены ободряющий кивок. — Но времени осталось мало.

— Да, отец прав! Времени совершенно недостаточно, чтобы ты сам позаботился обо всех подарках. В любом случае, мы с отцом решим это за тебя. Однако... сам понимаешь, Грег может догадаться.

Тревожные мысли полезли в голову Джорджа наперебой:

«Что Грег подумает, когда узнает об этой хитрости?! Что я его бросил, вот что!»

«Не лучше ли оставить парочку подготовленных мной подарков, нежели десять лживых?»

«Решит, что я опять не оставил на него времени? Опять забыл о нем? Нет, я не забыл! Я дорожу тобой, Грег! Так почему... я же все-таки забыл?»

— Почему же вы не подумали об этом раньше? Почему я не подумал раньше?! — уже в отчаянии выкрикнул Джордж. — Я был так поглощен подготовкой к Великому Расселению, что забыл о брате...

На ватных ногах он попытался встать, но руки матери, перебравшиеся на плечи, жестко надавили, потянув вниз.

— Пустите... Вы же сами твердите: времени мало, — в недоумении пробормотал Джордж. — Я должен как можно скорее подумать о подарках.

Графиня Амитами села рядом с сыном и взяла его ладонь. Она видела, что Джордж находится в тревожном состоянии. Ей было жаль его, но именно на эту реакцию она и надеялась.

— Джордж, — мягко сказала графиня, заглядывая ему в глаза. — Никакие подарки — ни мои, ни отца, как бы мы ни старались, — не заменят тебя. Грегу будет не хватать твоих советов, твоего присутствия, особенно когда он подрастет. Ты единственный, с кем он раскрывается. Я как мать могу лишь надеяться, что твоя утрата не оставит на Грее печальных последствий.

— Что же нам делать? — спросил Джордж с широко раскрытыми глазами, в которых дрожал испуг. — Как уберечь его?

Амитами обняла сына, нежно поглаживая по спине. Так продолжалось какое-то время, пока графиня не нарушила молчание:

— Не нам, Джордж. Тебе.

Последнее слово Амитами произнесла с нажимом, и в голове Джорджа с пугающей ясностью пронеслось понимание происходящего. Освободившись от объятий, Джордж тихо, но твердо произнес, смотря ей в глаза:

— Это очередная попытка отговорить меня, матушка?

Графиня глубоко вздохнула, прикрыв глаза и сдерживая слезы. Она сильнее сжала пальцы сына и еле слышно произнесла:

— Как я могу перестать пытаться, когда мой сын добровольно идет на погибель? Я же больше не увижу тебя!

Джордж вырвал ладонь и, поднявшись из-за стола, решительно направился вон.

— Немедленно остановись! — прокричал граф Тирман ему вслед — все это время он наблюдал за происходящим, затаив дыхание. — Не смей уходить от разговора!

Джордж, направляясь к дверям, лишь напоследок сказал:

— Это была прекрасная попытка, матушка, но решение я не изменю! Хватит уже уговоров!

— Сынок, пожалуйста, послушай! — в отчаянии умоляла графиня, вскакивая за ним.

Ярость — особенно на мать за то, что та решила манипулировать им через братские чувства, — бурлила в нем, он чувствовал, как горят щеки и стучит в висках. Однако мольба в голосе матери и стыд за то, что единственное, что он может сделать для родителей напоследок, — это послушать, заставили его вернуться. Джордж занял место подальше от них. Пове-

дение сына укололо чувства Амитами, но она постаралась не подавать виду. Тирман же сухо, но одобрительно кивнул.

— Отказаться от Великого Расселения — на это я уже не надеюсь, — вкрадчиво начала графиня. — Мы лишь просим отложить его. Добровольцам должно быть позволено повременить.

— И не забывай, ты — Грейн, — гордо сказал граф. — Пусть попробуют отказать! Через пять лет еще будет возможность удобрить Красную землю!

Графиня зыркнула на мужа, нахмутив брови, и поспешила привести иной довод:

— Джордж, тебе всего двадцать. Сейчас ты твердо уверен, что никогда не передумаешь, но дай себе шанс на жизнь здесь, в королевстве. За эти пять лет ты узнаешь ее под другим углом.

— А пути обратно не будет! Сынок, ты не вернешься, ты это понимаешь? Ты хоть раз слышал, чтобы кто-то вернулся? Нет! — строго сказал Тирман. — Ты мой сын и наследник, я не хочу терять тебя.

Джордж хранил молчание. В словах матери и отца была правда. Только вот он хорошо понимал, что через пять лет у него не хватит духу записаться добровольцем еще раз. Джордж с детства имел все, что хотел, кроме цели в жизни. Наука и медицина его не интересовали, дела графа не вдохновляли. В возрасте пятнадцати лет он постепенно открыл для себя жизнь простолюдинов. Тайком убегал в деревни, веселился и работал с простым людом бок о бок. Он не желал быть графом, во владении которого десятки полей. Он хотел иметь небольшую землю и вести простой образ жизни. Не хотел управлять людьми — хотел быть своим среди них, приносить пользу. Джордж получал что хотел, пока люди не признавали в нем благородную кровь. Тогда они сторонились его, чтобы не накликать гнев графа, или, наоборот, прислуживали в надежде на расположение. Интерес к простой жизни рос, и Джордж желал отречься от наследства, но поступить так с отцом не решался. Поэтому два года назад он записался добровольцем на Великое Расселение — миссию, которая дала бы ему право перерождения и простой жизни на неизведанных землях, без груза титула.

Граф с графиней в ожидании оглядывали сына, надеясь, что их слова достигли его благоразумия.

— Я вас услышал, — сказал Джордж, вставая. — Могу ли я идти?

Ответа не последовало. Графу и графине больше нечего было сказать — все слова были произнесены неоднократно.

— В таком случае спасибо за советы и обед. Пойду побуду с братом, — голос его стал жестче, когда он добавил: — Осталось мало времени.

Уходя, он слышал брошенную вслед просьбу матери подумать о них, а после — ее рыдания. Да и сам Джордж тогда был не прочь пуститься в слезы.

Джордж нашел брата в учебном кабинете. Мальчик сидел за столом, склонившись над знакомой книгой — «Королевство Валсор и теории появления». Грег был увлечен чтением и не заметил, как Джордж тихо отворил дверь. Гувернантка — миссис Минхвис, работающая у Грейнов не первый год, — стояла возле стола, опершись о него рукой, и просматривала записи, то и дело хмурясь или ближе поднося их к глазам. Стоило Джорджу переступить порог, она подняла голову.

— Добрый день, милорд, — обратилась гувернантка к Джорджу. — Чем могу быть полезна?

Грег резко повернулся, смотря на брата с удивлением: Джордж никогда не прерывал его учебные часы.

— Добрый день, миссис Минхвис, я бы хотел провести время с братом, — начал Джордж, с трудом подбирая слова — его мысли путались. — Вы не против?

Приказывать Джордж не умел, и зачастую приказы звучали как просьбы. Как бы граф Грейн ни пытался обучить сына искусству управления людьми, плодов это не дало. Но Джорджа это не беспокоило.

— Как я могу быть против, ваша светлость? — с легкой улыбкой сказала миссис Минхвис.

Джордж поблагодарил ее и кивком указал Грегу на дверь. Тот быстро закрыл книгу, отнес ее на полку и выскочил из кабинета.

— Куда мы идем? — спросил Грег.

— Я погляжу, сейчас ты более разговорчивый, — с усмешкой сказал Джордж. — Видимо, яблочный пирог пошел тебе на пользу.

— Вкусные пироги всегда идут на пользу! — в тон брату ответил Грег. — Особенно уму. Ты что, не хочешь отвечать? Ну ответь! Это секрет?

— Вовсе нет, — сказал Джордж, спускаясь по лестнице. — Идем на конюшню.

— Зачем?

— Как ты думаешь, зачем?

— Мы куда-то едем, — без промедления ответил Грег.

— Да, едем прогуляться, — сказал Джордж, а после добавил, глядя на брата уже с открытой улыбкой: — Видишь, об этом легко догадаться, даже не нужен дополнительный кусок пирога.

После обеда Джордж предупредил слуг о том, чтобы его лошадь и пони Грегa были готовы через час, поэтому запряженные животные уже стояли под навесом, когда они подошли. Братья оседлали лошадей и выехали за пределы поместья, оставляя особняк Грейнов позади. Грег ехал наравне с братом по главной дороге и размышлял о причине внезапной прогулки. Он решил, что брат хочет ему что-то показать или поговорить наедине, подальше от чужих ушей.

«Вдруг Джордж разозлится, как и отец? — думал Грег, кусая губу. — Или не трусить и спросить? Брат никогда на меня не кричал».

— Чего опять затих? — поинтересовался Джордж, сворачивая с главной дороги.

Грег последовал за ним. Братья проезжали по узкой дорожке мимо засеянных полей, и Грег обрадовался возможности обдумать ответ. Через пару минут дорога стала шире.

— Я думал спросить тебя кое о чем, но... — начал Грег и запнулся.

— Ты можешь спрашивать что угодно, — подбодрил его Джордж.

— Даже если это тебя расстроит? Или разозлит?

— Попробуй еще придумать такой вопрос, — усмехнулся Джордж. Но, уловив недетскую серьезность на лице брата, добавил: — Я честно отвечу, даже если вопрос будет мне неприятен.

— Хорошо, — кивнул Грег. — Тебе страшно уходить? Ну, туда...

— Да, — не задумываясь ответил Джордж. — Всегда страшно сделать шаг, который изменит привычный уклад жизни. Но кроме страха я чувствую воодушевление перед неизвестным.

Джордж задумался, а Грег молча ждал, когда брат продолжит:

— Тебе будет сложно понять, но у меня появился шанс родиться заново. Я могу освободиться от наследия отца и стать кем угодно!

— Что плохого в том, чтобы быть наследником графа? — в недоумении спросил Грег.

— Ничего, — просто ответил Джордж. — Просто я хочу другую роль.

Вскоре братья поднялись на холм, спешили и привязали лошадей к дереву. Джордж прошел чуть вперед и присел на землю. Грег последовал его примеру. Перед ними открылся вид на засеянные поля, уходящие вдаль.

— Видишь, на горизонте еле-еле виднеется сплошной ряд верхушек деревьев? — Джордж указал рукой в том направлении. — Деревья на границе не такие, как здесь. Они в пять-шесть раз выше! Говорят, под двести метров в высоту — ты только представь эту мощь!

— Но это все знают.

— Вот как, — заговорщицки протянул Джордж. — А знаешь ли ты, почему они такие высокие?

— Нет. Почему? — спросил Грег с блестящими глазами.

— Это я и хотел бы знать. Интересно, какая там природа, как там устроились люди, как они живут! Не терпится уже увидеть своими глазами...

— Джордж, а как же... — голос мальчика дрогнул. — Как я без тебя? Еще и Мег говорит, что ты...

Джордж обнял брата, прижимая его к груди. Пока Грег шмыгал носом, он гладил его по кудрявой голове, разглядывая горизонт.

— Это лишь слухи, их слова ничего не значат. Я верю, что они все ошибаются.

Каждый думал о своем: Джордж — о том, что он никогда не захочет вернуться, а Грег — о том, что обязательно последует за братом.

Глава 2 - Скорбь На Обед

Через шесть дней Джордж покинул поместье Грейнов верхом на лошади. Из вещей он лишь взял дорожную сумку. Оставшиеся члены семьи вышли на передний двор проводить и, возможно, в последний раз увидеть Джорджа. Из окон тут и там выглядывали заинтересованные лица слуг. Графиня Грейн, проплакав последние дни, безропотно стояла и смотрела на спину все дальше и дальше удаляющегося старшего сына. Граф же щурил глаза, делая вид, что пытается рассмотреть Джорджа вдалеке. Однако подступающие слезы было все труднее сдерживать с каждым мгновением. Только Грег не скрывал своих чувств. Мокрые дорожки на его щеках мгновенно появлялись вновь, стоило мальчику смахнуть их. Джордж Грейн ни разу не обернулся.

Дни после ухода старшего сына были тихими. Члены семьи Грейн обедали в молчании, проводили дни в молчании и отходили ко сну также в молчании. Граф усердно взялся за работу в своем кабинете. Иногда он пропускал приемы еды с семьей, но он не голодал – по его приказу еду приносили в кабинет. Когда Джордж все-таки ушел, Тирман начал полностью осознавать, что потерял сына и наследника. Однако он нашел временное занятие всем своим мыслям – погрузился в работу. Графиня переносила потерю иначе. Чаще всего она проводила время в саду, бесконечно гуляя между рядами высоких кустов. Ее взгляд гулял по листьям и бутонам цветов, а в голове жужжал рой мыслей.

Слугам казалось, что после потери одного сына все внимание графа и графини переключится на другого, однако Грег был предоставлен самому себе в те дни, и это дало плоды. Мальчик испытывал одиночество как никогда раньше. Отец спрятался за массивными дверями, мать – за зеленой изгородью, а Грег не мог найти себе утешение. В доме было тихо, и даже слуги бесшумно передвигались, лишь шепотом переговариваясь. Грег бродил по дому, то тут и там натываясь на принадлежащие Джорджу мелкие вещи. Перья для письма, альбом для зарисовок, расческа и ленты для волос, а особенно книги. Их можно было найти в любом уголке дома. Грег рассматривал каждую из них. Он их не читал, а пролистывал, пытаясь отыскать пометки, написанные рукой брата, или рисунки, которые Джордж иногда оставлял на полях страниц. Так Грег отыскал два рисунка. На одном два человека поливали саженец дерева, на другом – эти же люди отдыхали под большим деревом. Внизу мелкими буквами была подпись «Я и Грег через десять лет».

Через двенадцать дней семейство Грейнов потрясло еще одно событие. В тот весенний теплый день графиня уже по обыкновению прогуливалась по саду, еще не подозревая, что через несколько минут прогулка завершится. Обернувшись на отклик «мама», Амитами увидела сына, идущего к ней. Мальчик был взволнован – его щеки покраснелись.

– Что случилось? – спросила графиня.

– Ничего, – быстро ответил Грег. – Я просто хотел кое-что попросить.

– Спрашивай.

– Пару дней назад Миссис Минхвис задала мне вопрос, какой же предмет я бы хотел изучать более углубленно.

– И что же ты ответил?

– Миссис Минхвис попросила меня узнать, не против ли вы, если мы будем проводить дополнительные занятия в саду.

Графиня неосознанно сдвинула брови. Плохое предчувствие зародилось в ее голове.

– Что же вы будете изучать в саду?

– Цветы, почву, – видя выражения лица матери, мальчик стушевался и тише произнес.

– Другие разные растения...

– Тебя никогда это не интересовало. С чего вдруг сейчас?

– Мне просто захотелось, – еще тише был ответ.

Над графиней начали брать верх давно скрытая злость и знаковый страх одновременно. Понимая, что желание Грегa появилось неспроста, а имело прямое отношение к старшему сыну, она решила искоренить этот интерес в зарождении. В то мгновение она осознала, что должна сделать *все*возможное, чтобы уберечь единственного сына.

– Врешь, – сказала графиня, схватив сына за руку, чтобы тот не убежал. – А ну-ка говори, откуда такой внезапный интерес?

– Он не внезапный. Я давно хотел.

– Хотел что? – требовательно сказала графиня.

Мальчик молчал, плотно сжав губы. Амитами тряхнула руку сына, теряя остатки терпения.

– Отвечай сейчас же, – грубо сказала графиня и тряхнула руку сына еще раз, но сильнее.

Грег чувствовал несправедливость и предательство со стороны матери, ведь она никогда не применяла силу по отношению к нему до того момента. Грег не понимал, чем заслужил такое обращение, и это только больше усиливало его зарождающиеся чувства.

– Я давно хотел быть... – тихо и с обидой в голосе сказал Грег, – ...как Джордж.

Имя Джорджа ни разу не произносили в доме после его ухода. Казалось, оно стало запретным, и только шепотом передавалась весть и разносилась по графству.

Какой бы внешне спокойной не казалась графиня в прошедшие дни, внутри она нескончаемо оплакивала сына. Постепенно чувство горя графини переросло в злость. Она злилась и винила себя за то, что не предпринимала никаких действий, кроме уговоров, чтобы остановить Джорджа. Графиня полагала, что сын в скором времени оставит эту безумную идею, однако время шло, а глаза Джорджа все больше и больше загорались огнем решимости. Графиня также винила и мужа за то, что тот бросил попытки обучить сына обязанностям графа. И теперь их сын мертв или скоро будет таким. Джорджа надо было заставить подчиниться. Неважно, что у него не было твердой хватки и неважно, что он был слишком добрым ко всем людям. Он бы научился безропотно отдавать приказы и смирился бы со своей судьбой. Нельзя было давать ему права выбора. Он выбрал неправильно. Его долг был наследовать титул отца и нельзя убежать от него. Но он убежал...

«Грег никогда не убежит от меня» – пронеслось в мыслях у Амитами. Крепко держа руку мальчика, она потащила его за собой в дом. Большими шагами преодолев сад, она направилась в кабинет мужа. Грег еле поспевал за матерью. От неожиданности и бега мальчик едва успевал дышать, не то, чтобы задавать вопросы или сопротивляться. Удивленные слуги мгновенно уступали дорогу графине. Она отворила дверь без стука и застала графа, расположившимся на тахте и смиренно читающим книгу. Он быстро повернулся к дверям и подскочил от неожиданной картины.

Амитами сжимала руку сына и не замечала, что ее хватка причиняет ему боль. Ее обычно прекрасные зеленые глаза тогда походили на две темные точки, под сведенными бровями. Она метала взглядом из одного места в другое, как будто не в силах выбрать один предмет своего гнева. Ее слова звучали отрывисто. Она перескакивала от одной фразы к другой, силясь сказать все сразу. Грег за спиной графини замер с широко распахнутыми глазами. В тот момент он боялся мать.

– Пока вы здесь отдыхаете, мой дорогой муж, наш сын... – гневно начала графиня. Ей не хватало воздуха. – Наш единственный *живой*сын! Он собрался пойти по стопам своего покойного брата!

Грег вздрогнул от слова «покойный». Он и раньше не раз слышал, как слуги обсуждали смерть брата. Но слышать случайные сплетни и слышать это из уст матери – разные вещи. Она столько раз уверяла его, что Джордж отправляется на благородное дело, что нет причин для беспокойства и он обязательно вернется. Неужели, родители намеренно старались держать

его в неведении? Какие разговоры случались за закрытыми дверями, каждый раз, когда ему «неожиданно» надо было быть в другом месте? Получается, родители верят в то, что Джордж мертв? Значит ли, что именно Джордж ошибся, а не все остальные, как он утверждал?

– ... запереть его! – кричала Амитами. – И миссис Минхвис! Уволить! Я сама! Нам не нужна гувернантка! Надо же какие идеи! Нам вообще никакая не нужна, я буду его учить!

Графу не удавалось слова сказать во время сумбурной речи графини. Он лишь растерянно стоял с раскрытой книгой в руках, пытаясь понять, чем вызвано несвойственное ей поведение. Такое положение дело его раздражало, однако он пытался взять себя в руки. Она же активно махала руками то и дело, задевая рядом стоящего Грегга. А после со словами «запереть его», схватила мальчика за руку и подтолкнула в центр комнаты. Напуганный Грегг, смотрел на отца в поисках спасения.

– Грегг, подойти ко мне, – спокойно сказал граф, собравшись с мыслями и отложив книгу на рядом стоящий стол.

Мальчик подошел к отцу не без опаски. Тот быстро осмотрел его с ног до головы. Он убедился, что сын в порядке, кроме красного пятна на запястье, и завел его чуть себе за спину.

– Запирать мы его ни в коем случае не будем, – строго сказал Тирман. – А вам нужно немедленно успокоиться, пока вы не причинили вред себе или Греггу.

– Я вред? – графиня показала на себя рукой. – Как я могу? Вы слышите, что я говорю?

– Я слышу, – все также спокойно ответил граф, – но мы не будем вести этот разговор, пока вы в таком состоянии.

Графиня и слушать его не хотела. Она лишь отмахнулась и начала заново, все также сбивчиво и громко твердить о том, чтобы запереть Грегга и не дать ему убежать за братом.

– Амитами, вы сейчас не в себе! – воскликнул граф.

Графиня оборвалась на полуслове. Ее глаза сузились. До этого она не смотрела на лицо мужа, однако после слов графа Амитами злобно взглянула прямо ему в глаза.

– Вы считаете, я не в своем уме? – возмутилась Амитами.

– Ни в коем случае. Я считаю, вам нужно побыть в тишине, а лучше поспать. Завтра, когда вы вновь будете собой, мы обсудим этот вопрос.

С этими словами Граф окликнул слуг. Те быстро отозвались, ведь были неподалеку. Они пытались уловить каждое слово графини, которое так звонко разносилось по всему верхнему этажу даже из-за закрытых дверей.

– Нет, сейчас! – запротестовала Амитами.

Теперь был черед Тирмана хмурить брови. Он любил графиню и сыновей, поэтому многое допускал и прощал им. Однако он не терпел, когда ему перечили при подчиненных. Граф грозно посмотрел на графиню и вкрадчиво произнес:

– Мы поговорим завтра. А сейчас, графиня, вы отправитесь отдыхать. Немедленно.

Властный голос графа подействовал на графиню. Она перестала спорить, лишь плотно сжала губы и не произнесла ни слова после. Видя, что Амитами присмирела, граф отдал распоряжение проводить ее в отдельные покои.

– Милорд, велите ли отвести юного Грейна в его покои тоже? – поинтересовался оставшийся слуга.

Тирман взглянул на мальчика. Тот смирно стоял, в ожидания смотря на отца. Граф понимал, что нужно уделить сыну время, хотя бы просто поговорить с ним о произошедшем. Но на Тирмана навалилась непреодолимая усталость, то ли от внезапного инцидента, то ли сказавшаяся непрерывная работа в течение последних дней. Граф подошел к сыну, похлопал его по плечу и устало сказал:

– Думаю, всем нам надо немного прийти в себя. Нужно отдышаться, а после можно и обдумать все, верно?

Грег лишь кивнул. Тогда граф дал знак увести сына и через несколько секунд он остался один. Время на часах показывало ровно четыре вечера – до ужина еще оставалось несколько часов. Граф прилег на тахту, взял отложенную книгу и продолжил чтение. Ему нужно было успокоить нервы перед тем, как принять одно из самых серьезных решений в жизни семьи Грейн.

Глава 3 - Овечка На Ужин

Ранним утром конный экипаж подъехал к величественному особняку герцога Фиделиса. Лошади в упряжке были измотаны – их не меняли почти сутки. Из экипажа вышла девушка-служанка и придержала дверцу. Следом показался темноволосый, кудрявый мальчик. Он аккуратно ступил на ступеньку экипажа, а после на землю. Вместе они направились к особняку. Двери отворились, и прибывших встретил дворецкий.

– Добро пожаловать в поместье Сертус-Долли, – почти запел он. Его взгляд упал на мальчика. – Вы должно быть юный сын графа Грейна, милорд?

– Да, верно, – подтвердила служанка вместо Грега.

– Замечательно, позвольте проводить вас в гостиную, – обратился дворецкий к мальчику и уступил дорогу.

– Багаж милорда и остальные слуги в скором времени должны прибыть, – сообщила служанка.

– Мы позаботимся об этом, – любезно ответил дворецкий, все также обращаясь к Грегу.

Дворецкий проводил их в гостиную. На пути они встретили лишь пару слуг, которые спешно готовились к новому дню и пробуждению семьи герцога. Однако, вопреки немалому количеству дел, их любопытные взгляды не оставили без внимания прибывших.

Дворецкий распахнул массивные двери гостиной и пригласил Грега войти. В комнате никого не было. Мальчик присел на темно-синий диван, стоящий у стены. Гостиная была исполнена в холодных тонах, что заставило Грега невольно поежиться, хотя за окном стояла теплая весна.

– Милорд, попрошу вас подождать здесь. Герцог Фиделис вас скоро примет. Чай и выпечку принесут через пару минут.

Дворецкий чинно кивнул, а после обратился к служанке:

– А вас прошу следовать за мной.

Грег остался один, однако ему было не привыкать. Так он ощущал себя на протяжении двух месяцев – столько времени прошло после ухода Джорджа. За это время, а особенно в дни после инцидента с матерью, он понял, что такое одиночество. Тогда ему казалось, его действительно заперли, но не в комнате, как настаивала графиня, а внутри себя. Грегу не хотелось разговаривать. Язык как будто утратил способность произносить слова, но в голове зарождались навязчивые, незнакомые мысли. Мальчик открыл для себя новые чувства – одиночество, предательство, скорбь и чувство безразличия к происходящему вокруг. Казалось, сознание Грега погрузилось в пузырь, через который долетали лишь отголоски окружения. На следующий день после инцидента граф Грейн сообщил сыну, что графиня приболела из-за тяжелых переживаний о Джордже. На эту новость Грег никак не отреагировал, как и на любые другие. Граф Грейн разрешил сыну дополнительно брать уроки в саду – на что получил ту же безликую реакцию. Видя, что душевное состояние сына меняется, граф приказал врачу, который занимался лечением графини, осмотреть и Грега. Тот не смог добиться от мальчика и слова, но предположил, что Грег так же, как и графиня, переживает уход брата. «Каждый переносит горе по-разному», – сказал врач. Он настаивал, что общение с другими детьми поможет расшевелить мальчика и, возможно, он найдет частичную замену потерянного брата. Граф Грейн, посчитав идею разумной и не имея других вариантов, в тот же вечер написал письмо давнему товарищу герцогу Фиделису с просьбой взять сына на временное воспитание. У герцога Фиделиса было четверо детей, поэтому граф решил, что для Грега это была идеальная компания. Через две недели прибыло ответное письмо, и в скором времени Грега отправили в дорогу с большими надеждами увидеть его прежним через три месяца.

В дверь гостиной постучалась, а после вошла служанка с подносом, уставленным чайным сервизом на две персоны и блюдцем с ароматной выпечкой. Из-за сладкого аромата Грег обратил внимание на голод. Служанка расставила сервиз и сладости на столик перед мальчиком, а после покинула гостиную. Грег дождался, пока за дверью исчезнут звуки шагов, после чего потянулся к одной из булочек. Стоило ему сделать пару укусов, как за дверями он услышал приближающийся шум. Вскоре послышался и обрывок разговора, который, как могло показаться, разворачивался в паре шагах от дверей.

– ...пожалуйста, – протянул детский звонкий голос, – мама разрешила!

– Нет, – строго сказал голос постарше, – марш отсюда.

– Но, Беннар, – прозвучал другой мальчишеский голос, – мы хотим посмотреть на овечку.

– Я уже ответил – нет, – раздраженно произнес старший. – Разговор окончен.

Раздались возмущенные вздохи, а после приближающиеся шаги. Дверь отворилась и в комнату вошел молодой человек выше среднего роста. Высоко держа голову, он осмотрел гостиную и только через пару секунд заметил Грега, который притаился у стены.

– Добро пожаловать в поместье герцога Фиделиса. К сожалению, герцог занят, поэтому мне, как старшему сыну, было поручено встретить тебя. Мое имя – Беннар Фиделис, – официально произнес юноша.

Он был на три года младше Джорджа и имел такие же темные волосы и четкие черты лица, поэтому на первый взгляд напомнил Грегу брата. Однако если приглядеться, то можно было заметить, что Беннар не имел того добродушного взгляда, что был присущ Джорджу. Взгляд его как будто рассекал пространство куда бы не был направлен. Вместо длинных, заплетенных волос Беннар предпочитал коротко подстриженные волосы. Его поступь излучала собранность и уверенность.

Беннар, не дождавшись иной реакция Грегa, кроме как взгляда, продолжил заготовленную речь, четко выговаривая каждое слово:

– На ближайшие несколько месяцев поместье Сертус-Долли твой временный дом. Граф Грейн предупредил, что ты молчаливый и застенчивый ребенок, но он надеется, что пребывание здесь поможет побороть недуг. Жить ты будешь в комнате с младшим Фиделисом – Ямиром. Ему десять лет, поэтому вы найдете общий язык. Учебные занятия вы будете посещать тоже вместе, а также с Ялией – нашей сестрой, которая всего на год старше Ямира. Если у тебя есть какие-либо вопросы, можешь задать их сейчас.

Беннар Фиделис выжидающе смотрел на Грегa, но тот лишь молчал. Старший сын в раздражении скривил губы. Он не считал нужным соблюдать хороший тон с ребятней, особенно если та не высказывала к нему должного почтения. Беннар тихо вздохнул и с нескрываемым презрением сказал:

– Хотя бы кивни, если все понял.

Грег слегка кивнул. Без лишних слов, Беннар подозвал служанку и распорядился, чтобы Грегa проводили в его комнату. После старший сын стремительно удалился из гостиной.

– Милорд, – обратилась служанка к Грегу, – желаете ли сперва допить чай?

Грег посмотрел на свежее испеченные булочки. Было утро, а значит, скоро должны позвать к завтраку. Грегу не нравилась идея принимать пищу с незнакомыми людьми за одним столом, поэтому он решил съесть как можно больше до завтрака. Он кивнул в качестве ответа, и служанка оставила его одного.

Покончив с выпечкой, Грег вышел из гостиной и служанка, ждавшая возле дверей, повела его по длинным коридорам. Вскоре девушка остановилась, отворила двери и сказала:

– Ваши покои, милорд.

Грег вошел в комнату и услышал за спиной хлопок, характерный для закрывшихся дверей. В покоях было всего по паре: окна, кровати, письменные столы, стулья, шкафы, кресла. Казалось, тот кто обустроивал комнату, хотел, чтобы живущие здесь чувствовали себя на рав-

ных. Рядом с одной из кроватей Грег заметил свой дорожный сундук. Видимо, эта часть комнаты принадлежала ему. Мальчик сел на стул у письменного стола, на который падал утренний свет из окон. Он не представлял, чем следует заняться. Стоило ли разобрать вещи или оставить эту работу для слуг? Стоило ли начать письмо для дома? О чем писать? Может просто отдохнуть после долгой дороги? Грег быстро утомили бесполезные мысли. Он сложил руки на столе и опустил на них голову так, чтобы можно было наблюдать за ясным небом через окно. Так прошли минуты, а после и час.

Неожиданно двери распахнулись и в комнату как ураган влетел мальчик. Ноги его заплелись, из-за чего он чуть не упал. Грег спокойно приподнялся и посмотрел на вошедшего. Мальчик восстановил равновесие, сделал пару глубоких вдохов, пытаясь отдышаться, потом поднял голову, посмотрел на Грегa и на его лице появилась внезапная улыбка.

– Привет, меня зовут Ямир, – представился он, стараясь подавить рвущийся наружу смех.
– А ты Грег, верно?

Грег кивнул в который раз за день. Ямир продолжил говорить, подходя к нему и стараясь смотреть в лицо:

– Я пришел первым познакомиться с тобой. Я имею ввиду первым не считая Беннара, конечно.

Грег молчал и безразлично смотрел на мальчика.

– Остальных ты встретишь за завтраком, – продолжил Ямир. – Он как раз начинается, вот я и вызвался тебя провести. Надеюсь, ты голоден. Я вот голоден. А завтраки я люблю больше всего!

Ямир в недоумении посмотрел на Грегa, так как понял, что тот не произнес ни слова.

– А ты почему молчишь? – поинтересовался он.

Почему же Грег молчал? Он не испытывал интерес к чему-либо на протяжении нескольких месяцев, поэтому не находил важным говорить о незначительных для него вещах. Сперва он отвечал односложно, а после и вовсе перестал произносить слова. Грег верил, что к нему никто в действительности не проявлял интерес. Родители сперва отделились от него, после вовсе выслали из дома. Единственный человек, с которым он ощущал легкость и понимание, обманул и бросил. Эти люди были главными в его жизни, но они поместили Грегa на второй план, забыв о нем. Грег чувствовал себя покинутым и растерянным.

– Скажи что-нибудь, – настаивал Ямир. – Ты разве немой?

Грегу не понравилось слово «немой». Ведь он может говорить, просто не хочет. Грег демонстративно встал, отошел от мальчика и пересел на кресло возле шкафа.

– Я не хотел тебя обидеть, – начал оправдываться мальчик, хмуря брови. – Просто так Беннар сказал.

Грег с легкой неприязнью кинул взгляд на Ямира, который был для него как жужжащая муха. Ямир заметил взгляд и поспешил извиниться:

– Ой, извини! Я хотел сказать... Я хотел сказать, что хочу быть тебе другом!

Неожиданно для самого себя, впервые за несколько месяцев Грег проявил интерес. Никто раньше не говорил, что хочет стать его другом. Грег почувствовал, что что-то загорается в сознании. Он *посмотрел* на Ямира и увидел его ожидающие голубые глаза, взлохмаченные светлые волосы и шрам на левой щеке от глубокого пореза, который доходил до подбородка.

– Откуда... шрам? – из-за внезапного любопытства прошептал Грег слабым, тихим голосом.

– А, ты про этот? – Ямир ткнул в щеку пальцем и усмехнулся. – Как ты его сразу не заметил-то? Это Хизер мне оставил. Да, еще один старший брат. Мы играли в рыцарский турнир и он, как видишь, победил.

Грег рассматривал уродливый шрам, не отрывая широко раскрытых глаз, однако Ямира нисколько не смущало такое пристальное внимание. Он наоборот активно крутил головой, показывая шрам со всех сторон.

– А хочешь знать, как ему удалось победить?

Грег увлеченно закивал.

– Я уверен, он победил лишь потому, что на пару лет меня старше. А это значит, что и сил у него тогда было больше, но сейчас... – гордо протянул мальчик, – сейчас я подросток и, думаю, мы уже на равных! Знал бы ты, какой приз от отца с матерью за «победу» ему достался!

Ямир звонко засмеялся. Грег попытался улыбнуться в ответ, однако улыбка вышла слабой, но этого было достаточно, чтобы Ямир продолжал болтать на протяжении всего пути к обеденной зале.

– Все уже, наверное, собрались и ждут нас! – воскликнул Ямир, сбегая по ступенькам. – Эм, кроме отца. Он мало времени с нами проводит.

– Почему?

– Мама говорит, он занят обязанностями герцога. Но Беннар утверждает, отец просто не любит мальчишек, поэтому не жди от него дружелюбного приема. И Хизер таково же мнения.

– А ты?

– А я..., – Ямир призадумался. – Думаю, это правда. На Ялию он всегда находит время, – с обидой в голосе сказал мальчик, но быстро вернул прежний беззаботный тон. – Но мне хватает заботы и от мамы. Она нас всех любит, мы много проводим времени вместе. Видимо мальчишки ей больше нравятся!

– И я понравлюсь? – с нотками надежды спросил Грег.

– Эм, может быть, – уклончиво ответил Ямир.

Вскоре ребята подошли к высоким, темным дверям обеденной залы.

– Забыл сказать, – обратился Ямир к Грегу, – после завтрака нас ждет игра, так что никуда не убегай.

Грег не успел ничего сообразить, как Ямир толкнул двери, и мальчики очутились в светлой просторной комнате.

– Идем, – сказал Ямир и, видя нерешимость Грегa, слегка взял его за запястье и повел к столу.

За столом восседали члены семьи Фиделис. Герцогиня находилась в изголовье стола, на противоположном конце которого пустовало кресло герцога. Рядом с ней сидел Беннар по одну сторону, а по другую мальчик двенадцати лет – Хизер. Рядом с местом герцога находилась Ялия, по другую сторону от него – два пустых кресла.

– Это Грег Грейн, – представил Ямир гостя и сел на место ближе к креслу отца.

Грег оказался под взглядами четырех пар глаз, и они ожидали его действий. Ситуация была ему не по душе. Грег страдал от недостатка внимания, но был бы счастлив, если бы получал его только от одного человека. Он хотел иметь единственного, но верного друга. Как раньше. Грег попытался собрать мысли воедино и как следует поздороваться.

– Здра... здравствуйте, благ... благодарю, что приняли меня в свой дом, – тихо и с трудом проговорил Грег, смотря в пол, чтобы не сбиться.

С правой стороны послышался смехок. Грег исподлобья взглянул в ту часть стола, но не смог сразу найти того, кто насмеялся над ним. Беннар сидел, прямо держа спину, и всем своим скучающим видом показывал, что утратил к Грегу всякий интерес. Герцогиня смотрела на Грегa со смесью высокомерия и неприязни как будто боялась, что способность неумело изъясняться может передаться ее детям. Лицо Хизера выражало унылое безразличие.

Как только Грег опустил глаза, смехок раздался снова. Грег без промедления поднял взгляд и увидел, что губы Хизера тронула едва уловимая улыбка. Сомнений быть не могло.

– Достаточно, – будничным тоном сказала герцогиня и позвала прислугу, чтобы та наполнила ее стакан.

Все приступили к еде, кроме Ямира. Он повернулся к Грегу и прошептал, указывая на кресло, расположенное между ним и Хизером:

– Эй, садись рядом. Это место для тебя.

Грег нехотя сел на указанное кресло. Завтрак прошел без происшествий, не считая того, что Грег почти не притронулся к еде, но этого никто не заметил. Члены семьи Фиделис громко переговаривались, не пытаясь вовлечь гостя в разговор.

После завтрака Ямир утащил Грега напрямик на задний двор имения. Мальчики расположились в одной из белоснежных беседок, ожидая, когда подойдут остальные члены семьи. Вскоре показались, выходящие из дома, Хизер и Ялия. Они расположились в соседней беседке.

Дети семейства Фиделис, которым еще были интересны детские забавы, собрались вместе. Прошла пара минут, после еще несколько, однако никто не спешил начинать игры. Грегу не терпелось начать играть во что бы это ни было, и даже недавняя ситуация за завтраком не убавила настрой, хоть и оставила неприятный осадок.

– Мы чего-то ждем? – робко спросил Грег.

– Беннар скоро должен подойти, – безмятежно ответил Ямир.

– Он будет играть?

– О, нет, – усмехнулся Ямир. – Он будет следить, чтобы никто не жульничал.

– А что за игра?

– Я пока не знаю. Обычно Беннар выбирает игру.

Грег почувствовал себя беспокойно – он не испытывал к Беннару симпатии. Грег вопросительно посмотрел на Ямира. Тот пожал плечами и продолжил:

– Возможно, это странно, да. Но мы сами его об этом попросили. Иногда бывает сложно выбрать, особенно, когда все хотят играть в разное. А еще теперь это для нас всегда сюрприз! Разве не здорово мы придумали? О, вот как раз и Беннар!

Беннар шел уверенным шагом к беседкам. По его лицу явно нельзя было сказать, в каком настроении он пребывал, но что-то в целом образе подсказывало, что он находился в хорошем расположении духа. За ним следовали три мужчины-слуги, каждый из которых нес по стулу.

– Сегодня играем в «Успей занять место», – громко и с воодушевлением объявил Беннар, подойдя к ребятам.

Он начал озвучивать известные правила игры, пока слуги за его спиной расставляли стулья по форме треугольника на расстоянии друг от друга в пять-шесть шагов:

– Итак, вас четверо, а стульев всего три. Один из вас будет находиться внутри треугольника и пытаться занять один из стульев. Как только он это сделает, раунд завершен. Другие же должны перебежать от одного стула к другому или возвращаться на прежнее место – самое главное, нельзя сидеть на одном и том же стуле больше десяти секунд подряд. Кто нарушит правило или останется без стула – занимает место в центре, и новый раунд начинается. Победит тот, кто по итогу раундов меньше всего раз будет в центре. А сколько всего будет раундов, буду решать я.

Ребята живо высыпались из беседок, Беннар же наоборот вальяжно расположился в одной из них. Невесть откуда взявшаяся служанка, прикатила передвижную тележку с чайным сервизом и сладостями, а после удалилась, как и остальные слуги.

– Хизер, – крикнул Беннар брату, – ты будешь первый в центре.

Хизер недовольно взглянул на Беннара и собирался что-то пробурчать, но тот не дал ему такой возможности, обратившись к нему первым:

– Ты самый старший из них. Посмотри на эту ребятню, – Беннар небрежно кивнул в сторону ребят. – Каждый из них еще успеет настояться.

Хизер покорно занял место в центре. Ялия, Ямир и Грег уселись вокруг. Ямир был очень взволнован и не мог усидеть на стуле – ему не терпелось начать. Он повернул голову к Грегу и громко сказал, улыбаясь во все зубы:

– Тебе должно понравиться, это будет весело! Удачи тебе!

Ребята ожидали сигнал Беннара. Через пару ударов сердца раздался расслабленный, но властный голос, однако вместо того, что объявить начало раунда, он подозвал Ямира к себе. Взгляд мальчика приобрел легкий оттенок тревоги, как будто тот совершил шалость и был пойман, однако он направился к беседке без лишних слов. Грег проследил взглядом за ним и увидел, как Беннар что-то лениво стал разъяснять брату, изредка плавно жестикулируя. Грег ничего не мог расслышать. Выражение лица Ямира он тоже не мог видеть, так как тот стоял к нему спиной.

Прошло несколько минут. Беннар все также лениво кивнул Ямиру, смотря в лицо, и мальчик, как по сигналу, побежал обратно. Ему оставалось сделать несколько шагов, чтобы достичь стула, как Беннар громко объявил начало раунда. Хизер не упустил подвернувшейся возможности и удачно занял пустое место. Грег видел на лице Ямира досаду, недовольство и злость, ведь произошедшее совершенно точно являлось отступлением от честной игры. Однако Ямир, к большому удивлению Грега, проглотил обиду и занял место в центре треугольника.

– Разве это не против правил? – робко спросила Ялия.

– Что именно? – изображая невинность, поинтересовался Хизер.

– Он же не успел занять место.

– В этом и суть игры, сестричка.

– Да, но я имела в виду...

– Судья молчит, – перебил ее Хизер и пожал плечами, – а значит все по правилам.

Ялия и Грег одновременно посмотрели в сторону белоснежной беседки. Беннар сидел, закинув ногу за ногу и попивал чашку горячего чая. Судя по его выражению лица и тому, что через пару секунд был объявлен второй раунд, игра в его глазах проходила без жульничества.

Начался второй раунд. Он затянулся довольно надолго. Ямир был настроен отплатить старшему брату той же монетой – занять его место. Его не интересовали два других участника, все внимание было сосредоточено на Хизере. Хизер же нашел в этом забаву – каждый раз, когда Ямир делал вид, что не смотрит в его сторону, он отбегал от стула на небольшой шаг или два, а после с хохотом возвращался на место, когда Ямир мчался к освободившемуся стулу.

Хитрые маневры Хизера создавали замешательство для Грега и Ялии. Грег пытался пересечь на стул Ялии, но девочка каждый раз возвращалась на место, видя, как Хизер поступает так же. Ребята спотыкались и мешкали, оставляли стулья пустыми на долгое время, что давало Ямиру идеальные возможности занять любое их этих мест, однако у него была четкая, ослепляющая цель отомстить брату.

Через пару минут Грег и Ялия, видя борьбу двух братьев, решили меняться местами друг с другом. По кивку Грега они одновременно начинали движение и за несколько секунд перестановка была завершена. У них совершенно пропало чувство опасности, поэтому, когда у Ямира от бессилия пропало желание гоняться за братом, он удачно занял пустой стул сестры, когда та была на полпути к стулу Грега. Стоило Грегу увидеть, что место Ялии занято, он развернулся и со всей силы побежал обратно. Ялия, не ожидав такого «предательства», тоже ринулась к своему месту, однако нашла его уже не своим. Не хотя, она заняла место в центре.

Третий раунд принес Ялии больше печали, чем радости. Как бы она не старалась занять хоть чье-то место, ей это не удавалось. Она металась от одного стула к другому, но стоило ей подобраться к одному, как он был уже занят. Ялия находилась в отчаянном положении. Тогда она решила сосредоточиться на стуле самого младшего из ребят – Грега. Однако хоть она и была старше его на три года, рост Грега был почти такой же, как и у одиннадцатилетнего Ямира, поэтому в честной игре она никак не могла выйти победителем. К счастью, ее бессиль-

ные попытки и выражение глубокой досады на лице каждый раз, когда она встречала самодовольных братьев на желанном и занятом стуле, откликнулись в сердце Грегга.

Ялия бежала со всех ног, силясь занять место Грегга, и он, видя ее старания, притворился, что замешкался, тем самым вручая победу в ее руки, вскинутые вверх от радости. Пришел черед Грегга занять место в центре, и он сделал это без крупницы печали или досады.

У Грегга не было намерения занять место Ялии, которое она так долго отвоевывала. Целями были Хизер или Ямир. Грегг ждал удачную возможность занять их места, однако такая все не подворачивалась, поэтому нужно было создать ее самому. Он выбрал жертвой Хизера, потому что Ямир был его другом, а Хизер успел показать себя не с самой приятной стороны.

Грегг решил положиться на слух. Он притворился, что совершенно не обращал внимание на Хизера, когда отвернулся от него. Однако он внимательно слушал и ждал, когда тот неосознанно начнет постукивать по стулу более интенсивно. Еще во втором раунде Грегг заметил, что Хизер постоянно постукивает пальцем по краю стула, а особенно часто, когда собирается совершить перебежку. Это проявление нервозности Грегг и собирался использовать, как сигнал к действию.

Он терпеливо выжидал, притворяясь, что настроен занять место Ялии. И вот он услышал долгожданное учащенное постукивание. Тук. Тук-тук-тук. Тук-тук-тук-тук-тук... оно разом исчезло. Грегг лишь дернулся – в тот момент он собирался развернуться и побежать в сторону Хизера, однако вовремя придержал себя. За стуком не последовало звука бега или каких-либо шагов, а значит, Хизер все еще на своем месте. Как будто в подтверждение мыслям размеренный стук возобновился вновь.

Тук-тук-тук. Тук-тук-тук-тук-тук... и топот ног. Не задумываясь больше ни секунды, Грегг побежал к стулу за своей спиной. Шаг, другой – он почти у цели. Грегг коснулся рукой деревянной поверхности сидения и перенес вес на руку, собираясь занять место. Чувство триумфа начало подниматься в груди, однако ему не суждено было достигнуть пика. Грегг почувствовал сильный толчок в бок, который почти сбил его с ног. Он резко оглянулся. Хизер сидел на стуле и как ни в чем не бывало смотрел на Грегга смеющимися глазами. Тягучая неприязнь разливалась по телу Грегга. Мальчик зло взглянул в сторону беседок, только чтобы окончательно убедиться, что Беннар не намерен судить их по честным правилам. Этот взгляд не укрылся от Хизера.

– Хочешь что-то сказать? – с издевкой поинтересовался Хизер.

Проигнорировав его, Грегг уверенно направился в центр круга и стал к Хизеру спиной.

– Продолжайте, – послышался довольный голос Беннара.

И игра продолжалась, однако всякий интерес Грегга пропал. Он не понимал, чем вызвал такое отношение к себе со стороны старших сыновей герцога Фиделиса. Он пробыл здесь меньше суток, но складывалось ощущение, что неприязнь к нему копилась не один день. Стоило лживой, официальной части приветствия пройти, как колкие и насмешливые взгляды полезли наружу все больше. Зачем отец отправил его в это злое, притворное место? Зачем было обманывать вновь красивыми фразами и обещаниями? Новые вопросы постепенно заполняли голову Грегга.

Грегг крутился из стороны в сторону, погруженный в неприятные мысли, и еле следил за игрой. Вокруг себя он слышал мальчишеский смех и топот ног. Сколько прошло времени, он не знал, но от назойливых мыслей, хохота и суеты у него закружилась голова. Грегг резко развернулся и, о чудо, перед его глазами, на фоне белых беседок оказался пустой стул, который так и манил присесть на него.

Не раздумывая, Грегг побежал и благополучно занял его. Через мгновение перед ним очутился удивленный Ямир, который остался без стула. Он совершенно не ожидал, что Греггу удастся обыграть его. Грегг поднял взгляд и, рассмотрев Ямира, попытался улыбнуться и с дружелюбием сказал:

– Прости, я занял... твоё место.

Ямир не улыбался. Его лицо отображало нерешительность, и он стоял перед Грегом, в смятении потирая руки. Грег не узнавал своего веселого и шумного друга, каким он был с утра. Перед ним был растерянный незнакомец, который перевел взгляд за его спину, а после потянулся к нему и силой толкнул со стула. Грег упал наземь и ударился локтем об притаившийся немалый камень. Казалось, где-то вдалеке раздался взрыв смеха и девичий громкий вздох.

Ямир сел на стул, повернулся к Грегу и, избегая его взгляда, громко, но неуверенно, произнес слова, которые Грег запомнил на всю жизнь:

– Знай своё место... овечка.

Грег смотрел на «друга» с удивлением и непониманием. Его никто так не называл прежде, и он не мог даже догадываться, что послужило этому причиной. Однако он точно понимал, что лишился «друга» и душе его вновь нанесли удар. Грегу стало непреодолимо жаль себя. Он огляделся вокруг в поисках убежища, куда можно было бы убежать и спрятаться до конца своих дней или хотя бы до конца этого ужасного дня. Он был готов расплакаться даже перед неприятелями, но только не ваяясь у их ног. Сдерживая подступающие слезы, мальчик поднялся с земли. Ушибленный локоть казался горел, и Грег чувствовал, как рукав рубашки неприятно лип к коже. Взглянув на него, он увидел, как красное пятно медленно расползается по белоснежной ткани.

Взволнованный девичий вздох послышался еще раз. Грег повернулся в том направлении, неосознанно открывая Ялии лучший ракурс на раненную руку. Девочка зажала рот ладошкой и поспешила отвернуться – она не переносила вида крови.

Тогда Ямир все-таки взглянул на Грега, а после встревоженно подскочил, увидев красное пятно. Он лепетал извинения и усадил его на стул. Руки Ямира пронзила легкая дрожь.

– Беннар, – отсмеявшись, спокойно крикнул Хизер, – тут овечка упала! У нее кровь.

Беннар неспешно поставил чашку чая на блюде и, прочистив горло, сказал в тон брату:

– Что ж, похоже, игры на сегодня закончились. Ялия, будь так добра, позови слуг, чтобы его, так и быть, отвели к *герцогскому* врачу.

Ялию не нужно было просить дважды. Вскочив со своего места, девочка побежала, стараясь не смотреть в сторону Грега. Однако не прошло и минуты, как вдалеке она показалась вновь, но не одна. За тонкую ручонку Ялию вел высокий мужчина. Он имел уверенную, размашистую походку, однако старался сбавить шаг, чтобы девочка поспевала за ним. Подойдя ближе, Грег заметил, что его светлые волосы, казалось, сияли на солнце, а каждая строгая складочка на рубашке и жилете дополняла волевой и статный вид.

Беннар завидел отца издали и подошел ближе, даже не взглянув на Грега, чтобы поприветствовать. От прежней легкости и расслабленности не осталось и капли. Хизер последовал примеру брата и стал подле него, как бы случайно прикрывая собой раненную руку Грега.

– Здравствуй, отец, – почтительно обратился старший сын.

– Здравствуй, – безмятежно ответил герцог. Он окинул взглядом каждого из ребят и остановился на Греге. – Ты должно быть Грег Грейн, сын моего давнего приятеля графа Грейна.

Грег кивнул. Вопреки предостережению Ямира о грозной натуре герцога, мужчина смотрел на Грега мягким взглядом, а кончик губ его слегка приподнялся, раскрывая ямочку на правой щеке.

– Вижу ты немногословен, – по-доброму усмехнулся герцог. – Значит, говоришь без чепухи и по делу, верно? Знаешь, наука любит точность и краткость, а я ценю науку.

Хизер и Ямир как по сигналу удивленно переглянулись. Беннар же сохранял невозмутимое выражение лица, но глазами неотрывно разглядывал отца, как будто видя его в первый раз.

– Отец занимается медициной! – тихо, но с гордостью сказала Ялия.

– Ну-ну, не перехваливай меня! Я лишь уделяю этому короткие, свободные часы, – герцог с нежностью взглянул на дочь, а после добавил, обращаясь к Беннару. – Я толкнулся с Ялией у

дверей, когда направлялся сюда, чтобы поприветствовать гостя, – герцог кинул добродушный взгляд на Грега, который выглядывал из-за спины Хизера. – Она сбивчиво рассказала, что кто-то из вас ушибся и ему нужна помощь. Кто же ушибся? Не уж то Ямир? То-то он тихий такой сегодня?

Не задумываясь ни секунды, Беннар спешно произнес:

– Наш гость споткнулся об камень, упал и слегка поранился во время подвижной игры. Уверен, ничего серьезного, всего лишь пара царапин, хотя кровь на белой ткани выглядит весьма пугающе, вот Ялия и распереживалась. Гостя сразу же усадили, и я распорядился позвать помощь. Кстати, Ялия, передала ли ты распоряжение слугам?

– В этом нет необходимости. Думаю, с царапиной я вполне справлюсь. Грег, покажи-ка, где поранился.

Грег поднялся со стула и подошел к герцогу, выходя из-за спины Хизера. Мальчик протянул локоть, который весь покрылся красным.

– Крови уж слишком много для царапины, – задумчиво произнес герцог, аккуратно закатывая рукав рубашки.

На локте зиял глубокий порез два-три сантиметра в длину.

– Чем же ты так порезался?

– Камень, – кратко ответил Грег и неосознанно посмотрел в ту сторону.

Герцог сделал тоже самое. В шаге от одного из стульев действительно лежал увесистый, с острым углом камень. Других камней рядом не было.

– Ты споткнулся об камень и об него же поранил локоть? – с сомнением уточнил герцог, глядя Грегу в глаза.

Мальчик замялся с ответом. Он мельком кинул взгляд на Беннара, а после Ямира, который притаился в сторонке и боялся сделать лишний вдох. Согласиться с полуправдой или сказать всю правду, но, возможно, накликать еще большие неприятности?

После паузы мальчик неуверенно кивнул, но, увы, запоздалый ответ, мимолетные взгляды, чуждая кротость Ямира и ожидающая тишина вокруг пролили свет на истину. Герцог внимательно наблюдал за Грегом в тот момент. Мальчик выглядел разбитым, потерянным и глаза блестели от сдержанных слез. Получив ответ, герцог сперва нахмурился, а после сделал тихий глубокий вздох и добродушно обратился к Грегу:

– Ты молодец. Не каждый может так стойко переносить неприятности.

Грег посмотрел на герцога с недоверием. Опять кто-то пытается разрушить его защитные стены сладкими речами?

– Что ж, не буду мучать больше разговорами, надо сперва привести тебя в порядок. Ялия, будь так добра, отведи Грега в лечебный кабинет. Я скоро подойду.

Ялия взяла Грега за здоровую руку и повела прочь. Голосов за спиной он не слышал, но заходя в дом, Грег обернулся, и его тело покрыли острые мурашки. Он был пронзен тремя взглядами, каждый из которых нес свой порок: гордыня, злость и... зависть?

Глава 4 - Лгунья

День за днем пролетали незаметно, пока три летних месяца не подошли к концу. За окном солнце по-прежнему дарило каждому теплые лучи, однако они больше не обжигали. В один из таких дней по чуть заброшенному, но все прекрасному саду прогуливались граф и графиня Грейн. Граф бережно вел супругу под руку и шел нарочно медленно, уставшими глазами высматривая на пути каждый камень, чтобы графиня ненароком не споткнулась. Амиами Грейн была все еще слаба после продолжительной болезни, однако, как уверял врач, да и сама графиня себя ощущала, состояние ее души значительно улучшилось. Она снова могла здраво оценивать окружающий мир, поэтому четко решила после возвращения Грега посвятить ему все свое время, а теплые воспоминания о старшем сыне бережно хранить в сердце. Живой разум к ней вернулся, но тело навсегда потеряло былую стойкость и энергичность. Из-за душевных переживаний ее физическое здоровье подкосилось, что сказалось и на имении Грейнов в целом. До того, как графиня слегла, Тирман и представить не мог, сколько и какие обязанности его дражайшая жена ловко выполняла эти долгие двадцать два года. Пока Тирман заботился о благополучии графства, Амиами заботилась о имении. Она знала каждого работника по имени, была в курсе малейших происшествий в доме и всегда принимала справедливые решения, даже если со стороны они могли показаться чересчур строгими. Графиня всегда справлялась с делами самостоятельно, поэтому экономка в доме не держалась, о чем граф сильно пожалел, когда наступила черная полоса в жизни семьи Грейн.

Для графа это лето стало одним из сложнейших за последние несколько лет не только из-за огромного количества хозяйственных дел, но из-за разрушения привычного уклада семейной жизни. Ни для кого не было секретом, что Тирман Грейн женился по любви, что являлось редкостью среди дворянства. Будучи сыном простого по нраву человека по имени Рик Грейн, Тираману было позволено самому выбрать пару. Его избранницей стала младшая дочь графа Тей, который правил небольшими землями по соседству. Порой чопорная, но в основном нежная двадцатидвухлетняя девушка сразу пришлась Тирману по душе и через полгода, заполучив взаимность в своих чувствах, Тирман женился на Амиами. Время не поколебало их любовь, оно лишь укрепило связь между ними, поэтому графу было невыносимо заглядывать в опустошенные глаза графини и наблюдать за тихим, неподвижным телом, которое днями лежало на белых простынях в полумраке душевной комнаты.

Все мысли графа были заняты поддержанием жизни в Амиами, поэтому, ступив на террасу и аккуратно усадив графиню на мягкое кресло, он удивился и даже испугался, когда увидел свое отражение в окне напротив. Под глазами пролегли глубокие темно-серые вмятины, на лбу появилось пару лишних морщин, а ранее коротко подстриженные волосы отросли, образуя копну кудрявых локонов, которые тихим ужасом отозвались в сознании графа. Тирман замер, пораженный одним из самых устрашающих и мерзких чувств – осознание того, что он забыл о единственном живом и родном сыне.

– Что с тобой, дорогой? – затревожилась графиня и прикоснулась к руке графа.

– Все в порядке, – заверил граф и укрыл ее колени легким покрывалом.

Тирман сел на рядом стоящее кресло, перенес на него свой вес и опустил веки – лицо Грега и его кудрявые волосы предстали перед глазами. Граф тяжело вздохнул и позволил телу утонуть в мягкой обивке кресла. Ему нужно было собраться с мыслями и обдумать, дерущее в груди, чувство, которое без предупреждения сняло пелену с разума. Вокруг было тихо, и только глубокое дыхание графини раздавалось сбоку, даря успокоение дребезжащим нервам.

– Милорд, – прозвучал голос дворецкого, как колокол среди тихой ночи. – Прибыл почтовый голубь с письмом из Сертус-Долли.

«Неужто от Грега?» – взволновано и с облегчением пролетело в мыслях графа. Граф приподнялся и с нетерпением протянул чуть дрожащую руку:

– Давай же его скорее сюда!

Через секунду он ощутил гладкую поверхность запечатанного письма, на котором красовалось знамя герцога Фиделиса – три дерева, тянущихся к солнцу, как символ пограничных земель. Через несколько недель после отбытия Грега, в имение прибыло лишь одно письмо. В нем Грег излагал сухие факты и, казалось, только чувство порядочности побудило его написать те несколько строк.

Тирман Грейн как замороженный смотрел на сияющий на солнце лист бумаги, и в груди его отчетливо барабанило сердце, предвещающее скорые перемены.

– Марк, ты можешь быть свободен, – распорядилась графиня и обратилась к мужу, когда дворецкий оставил хозяев дома наедине. – Это от Его Светлости? Герцога Фиделиса? – графиня кивнула на письмо, пытаясь рассмотреть на нем знамя.

– Верно.

– Прочтешь вслух? – с прежней сдержанностью попросила графиня, поправляя и без того идеально лежащее покрывало на ногах. – Надеюсь, Грег скоро вернется домой. Должно быть письмо об этом.

Граф кивнул и вскрыл письмо, повреждая восковую печать.

– Это от Грега. Узнаю его детский почерк, – радостно сказал граф и принялся читать вслух письмо, следующего содержания:

«Здравствуйте отец и мать!

У меня все хорошо и, надеюсь, у Вас тоже. Три месяца прошли незаметно – я старательно учился, изучал ботанику. Мне здесь нравится и я нашел друга.

Мне недавно исполнилось девять лет, поэтому герцог Фиделис сделал мне подарок – разрешил остаться в Сертус-Долли на год. Я принял его. Надеюсь, и Вы примите мое решение.

Ваш сын, Грег Грейн.»

Имя сына граф произнес отрывисто. Он поднял глаза от письма и встретил растерянный взгляд и чугунные губы графини, произнесшие:

– Что это значит?

Граф перечитал письмо еще раз, вчитываясь в каждое слово. Каждая буква врезалась в его сознание, оставляя отпечаток, и, когда письмо было прочитано еще пару раз, граф положил его в карман у сердца, откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза.

– Это значит, что, погрязнув в заботах о доме и графстве, мы забыли заботиться о сыне, – с печалью сказал Тирман. – Поэтому в ответ на наше невежество он забывает нас.

Грег не соврал в письме родителям – у него действительно появился друг. Друг, с которым он проводил время по субботам и лишь в лечебном кабинете. Грег хорошо помнил день, три месяца назад, когда он в первый раз переступил порог этой светлой комнаты. Комнату было назвать сложно лечебным кабинетом, она больше походила на хижину ведьмы, где та творила чудеса. Стена напротив входа была покрыта стеллажами, уставленными книгами вплотную, из которых часто виднелись торчащие исписанные листы бумаги. Слева находилось большое окно – единственный источник света в комнате, не считая свечей в вечернее время суток. Грег любил наблюдать, как солнечный свет освещал поверхность красного дубового стола, что стоял у окна и за которым герцог делал записи, подперев голову рукой. Справа виднелся дверной проем в комнату поменьше, которая служила полем экспериментов. В ней не было окон, что было непрактично, но создавало атмосферу завораживающей мистики. Обычно источником освещения служили свечи или свет из открытой двери.

Грег часто вспоминал, как Ялия привела его в меньшую комнату, усадила на стул, а сама скрылась в основной части кабинета, не смотря в его сторону. Локоть покалывало, а когда он

окончательно разболелся и испачкал пол, в кабинет вошел герцог, за которым показался слуга, державший таз с водой. Мужчина поставил таз на пол возле Грега, и покинул кабинет. И тогда началось волшебство.

Герцог действовал уверенно, не допуская лишних движений. Он обрезал кровавый рукав рубашки, бережно промыл рану еле теплой водой и, аккуратно касаясь, обработал ее йодом, постоянно интересуясь у Грега, как он себя чувствует. После позвал прислугу, чтобы та унесла розовую воду с испачканной тканью и убрала разводы на полу. Тем временем герцог взял с полки огромного, застекленного шкафа несколько баночек и пучки трав, которые сушились у потолка в углу комнаты. Он разложил необходимые ингредиенты на столе, и стал измерять необходимое их количество с помощью весов с двумя серебряными чашами. Когда с граммовками были покончено в лабораторную комнату робко заглянула Ялия. Убедившись, что все следы крови убраны, девочка села на пол рядом с Грегом и стала внимательно наблюдать за отцом, тихо напевая незнакомый мотив. Вскоре к ней присоединился и мужской низкий голос, создавая гармонию звуков. Герцог зажег три низких свечи, над ними разместил подставку, на которую поставил чашу с длинной ручкой. На дно чаши он положил кусочек пчелиного воска, добавил пару капель сосновой смолы и ароматного масла. Пока смесь нагревалась герцог расспрашивал Грега, чем он увлекается и каким он находит Сертус-Долли. Когда на поверхности смеси появились первые пузырьки, герцог добавил ложку меда, пару кусочков прополиса и оставил смесь на огне еще на несколько минут. Хоть Грег и не любил мед, однако запах он находил приятным, поэтому не был против, когда стойкий аромат меда заполнил пространство комнаты. Вскоре герцог потушил огонь.

- Отец у меня прямо, как волшебник, - с восхищением шепнула Ялия Грегу на ухо в точности повторяя его мысли.

- Никакой я не волшебник, - засмеялся герцог, услышав шумный шепот девочки. - Но у меня, действительно, есть секрет “волшебства”, - заговорчески он понизил голос.

- А я знаю! Знаю! - с энтузиазмом прокричала Ялия, что заставило Грега вздрогнуть от неожиданности.

- Все-то ты знаешь, моя пуговичка, - по-доброму пожурил ее герцог. - Раз так, то поделись секретом с Грегом.

Ялия вскочила со своего места и подбежала к письменному столу, что был в другой комнате. Грег видел, как она что-то искала в ящиках, звонко стуча ими. Через минуту Ялия вернулась, держа в руках старый, увесистый том, от которого пахло сыростью. Обложка и корешок книги имели тканевое покрытие, которое некогда было насыщенного зеленого цвета, однако за долгие годы сильно потемнело. Девочка повернула книгу так, чтобы Грег смог прочесть название, выведенное золотыми буквами, от которых остался только контур, - “Гримуар медицины”.

- Что такое гримуар? - спросил Грег.

- Волшебная книга! - незамедлительно ответила Ялия, довольная собой.

- Верно, или книга заклинаний, - усмехнулся герцог. - Но на самом деле это пособие по изготовлению лечебных средств. В этой книге я и нашел много полезных рецептов, да и загадок не меньше.

- Расскажи про загадки. Уверена, Грегу будет интересно!

Грегу действительно было интересно, поэтому он ловил каждое слово герцога, который тем временем продолжил:

- Это не совсем загадки, по правде говоря. Но часто в книге встречаются слова или описания болезней и веществ, про которые я никогда раньше не слышал. Я пытался найти ответы на эти вопросы, поэтому опросил многих врачей, но, увы, они все как один были в замешательстве.

- Возможно, эта книга из-за леса, - загадочно проговорила Ялия, обращаясь к Грегу.

- Это правда? - возбужденно спросил Грег.

- Кто знает? – пожал плечами герцог и задумчиво произнес: – К сожалению, за пятьсот лет так и не удалось узнать, что находится за границей и почему мы за ней.

Стоило невзначай сказанным словам, сорваться с губ герцога, как он понял свою оплошность – правда о прогрессе «Великого Расселения» была известна только членам королевской семьи и совету, народ же убеждали, что прогресс есть и за лесом, за сотни километров отсюда, строятся новые города и деревни. На мгновение герцог разволновался, но тут же поспешил успокоить себя, ведь, кроме детей, в комнате никого больше не было – вряд ли они запомнят мельком сказанную фразу, а если запомнят и решат взболтнуть, то им никто не поверит.

- Однако здесь нет никакой загадки - я взял ее в королевской библиотеке, которой мой брат король любезно разрешил мне пользоваться, - стараясь сохранять непринужденную атмосферу, сказал герцог, а после перевел тему: - Посмотрим, остыла ли мазь. Хм, еще горячая. Что же... Ялия, а расскажи-ка Грегу про вашего учителя - мистера Пирки!

- Точно! Он очень умный и хитрый и постоянно поддавливает меня на невнимательности. А еще...

Часы в кабинете герцога показывали одиннадцать часов утра. Ялия сидела на стуле возле письменного стола, и наблюдала, как отец ловко орудовал ножом для писем, перебирая накопившуюся почту.

- Что-то случилось? – поинтересовался герцог, когда заметил, что Ялия перестала рассказывать про занятия с гувернанткой и молчала уже на протяжении пару минут. Герцог отложил в сторону письмо и взглянул на дочь, на лице которой отображались нерешительность и взволнованность.

- Вовсе нет, - быстро ответила девочка, а после улыбнулась и добавила: – Я просто подумала... Ох, не стоит... я должна набраться терпения.

- Что же, - по-доброму усмехнулся герцог, - раз ты так считаешь, - смиренно ответил он и продолжил читать письмо.

- Ну ладно, - Ялия подскочила со стула и подошла к отцу, пряча одну руку в потайном кармане платья. – Я учусь вышивать новый стежок, поэтому не суди строго.

Ялия протянула отцу белый тканевый квадратик, который по краям был обшит зеленой нитью, а в одном из углов красовалась почти ровная надпись: «Герцог Ф».

Герцог бережно принял подарок и стал рассматривать каждый стежок, любуясь.

- Мне не терпелось подарить его тебе, но теперь, когда я это сделала, мне кажется, что стоило подождать, пока он не будет закончен, - задумчиво произнесла Ялия. – Я заберу его, чтобы закончить, – с этими словами девочка попыталась забрать платок, но отец бережно отвел руку дочери.

- Нет-нет, не нужно, - поспешил заверить герцог. - Он чудесен, ведь его незавершенность отображает то, как тебе хотелось скорее вручить его мне.

Герцог аккуратно сложил платок и положил его у сердца - в грудной карман жилета.

- Спасибо, - поблагодарил он и обнял дочь, как раз в тот момент, когда в дверь постучали.

- Войдите, - прокричал герцог, выпуская Ялию из объятий.

Двери приоткрылись, и в комнату вошел Грег. Глядя на худого, хоть и высокого мальчишку, с постоянно отстраненным взглядом, Ялия каждый раз удивлялась тому, как в пределах отцовского кабинета его образ менялся. Обычно Грег был не разговорчив, но здесь, даже в присутствии Ялии, он нередко осыпал герцога вопросами, пытаясь добраться до сути проходимой темы. Ялии льстило то, что Грег не стеснялся ее, когда та изредка присутствовала на занятиях только для того, чтобы порадовать отца, однако в глубине души она догадывалась, что Грег ее даже не замечал, увлеченный изучением растений и их свойств.

Ялия, как и ее братья, не считала ботанику увлекательной, поэтому, когда Грег захотел стать учеником герцога, она была рада за отца. Однако Ялия точно знала, кто был этому не рад.

Перед приездом Грегa герцогиня сетовала о том, что еще один мальчишка в доме не нужен, тем более герцог и так мало уделяет время сыновьям, совершенно от них отделившись, в то время как для нее, Ялии, он всегда находит свободные минуты.

Субботние занятия и известие о том, что Грег остается в Сертус-Долли на год, еще больше накалили атмосферу в поместье. Надвигающуюся бурю стало сложно игнорировать, поэтому Ялии было по-человечески жаль Грегa, зная какую участь ее братья способны уготовить.

Попрощавшись с отцом и Грегom, Ялия вышла из кабинета и неожиданно поняла, что ей некуда было спешить – запланированных дел на сегодня не ожидалось. Девочка посмотрела в окно и с раздражением вздохнула, обнаружив за ним мелкий дождь. Все же недолго думая, Ялия решила, что чтение за чашкой теплого чая – это идеальное времяпровождения для столь унылой погоды. Девочка уверенным шагом направилась в свои покои, однако, дойдя до поворота, она наткнулась на лукавые, довольные лица Хизера и Ямира.

Мальчики, как будто поджидая ее, окружили с двух сторон, взяли под руки и зашагали рядом.

- Что лица такие хитрые? - с подозрением спросила Ялия. - Задумали что-то?

- Не хитрые, а деловые, сестричка, – ласково поправил Хизер.

- Меня ваши дела не касаются, - Ялия попыталась освободиться из хватки братьев, но те крепко держали ее за локти. – Пустите.

- Мы-то отпустим-отпустим, - Хизер многозначительно посмотрел на сестру, - только смотри, чтобы тебя отец не отпустил, да и не забыл.

- Я не понимаю.

- Ох, сестрица, - покачал головой Хизер, - этого не понимаешь, ботанику не понимаешь, так-то отец тебя точно променяет на *него*.

Ялия перестала вырываться и удивленно посмотрела на одного брата, а после на другого. Улыбнувшись, она покачала головой и ответила:

- На Грегa? Это невозможно.

- А ты знаешь других назойливых, высокомерных овечек?

- Он не показался мне высокомерным, - Ялия пожалала плечами.

- Ага, конечно, - съязвил Ямир, включившись в разговор. В его голосе можно было услышать легкие нотки обиды. – Я перед ним даже извинился, а он и слова не сказал!

- Я бы с тобой тоже не разговаривала после такого. Притворялся другом, а потом повел себя совершенно не по-дружески. Чего ты ожидал?

Ямир умолк, а кончики ушей его покраснели. Хизер тем временем уверенно продолжил:

- Сестричка, ты должна понять, что невозможное уже случилось – Грег добрался до времени отца, что никому из нас, из мальчиков, не удалось, - Хизер остановился и посмотрел сестре в глаза - Если одно невозможное случилось, почему второе – твоя замена - не может? Все к этому идет.

Ялия замерла. Неужели это правда? И буря разворачивается не у Грегa над головой, а над ней? Тихий Грег - это волк в овечьей шкуре? Он *может* забрать у нее отца, единственного человека, кто действительно заботится о ней? Но отец не променяет ее, он ее любит! А Грег - чужак, он всего пробыл здесь три месяца... но остается еще на год!

Хизер увидел подступающий ужас на лице Ялии и понял, что наступил подходящий момент, чтобы продолжил напевать тягучие слова.

- Но не бойся. Мы не допустим этого, ведь ты наша сестра.

Ялия свела брови, выражая сомнение, но продолжала смотреть на брата и хранить молчание, тем самым показывая брату, что она готова его выслушать.

- Есть способ все исправить, - спокойно сказал Хизер, а после с драматизмом добавил: - Но сделать это можешь только ты. Поэтому мы и здесь.

- Какой способ? – робко спросила девочка.

- Ничего плохого – всего лишь отправим Грега домой, а то задержался он в Сертус-Долли.

Мистер Пирки, будучи невысокого роста, всегда держал голову и спину прямо, стараясь визуально прибавить пару сантиметром к росту. Однако, если его бы спросили об этом напрямую, он бы ни за что не признался. Он также не терпел нарушения дисциплины на занятиях, потому тот, кто ее нарушал, незамедлительно получал дополнительные задания, которые обязательно нужно было выполнить, чтобы покинуть учебный кабинет. Именно по этой причине Ямир с измученным видом склонился над листами бумаг, когда Ялия и Грег, попрощавшись с мистером Пирки, вышли на воздух в пальто нараспашку. На дворе стояло начало осени, однако небо уже успело подарить пару дождливых дней, от чего земля была сырая и в воздухе ощущалась свежесть, несмотря на ослепляющие лучи солнца.

Учебный кабинет, а точнее учебный домик, стоял отдельно от особняка, и, чтобы до него добраться, нужно было пройти мимо белоснежных беседок. Грег и Ялия молча шли рядом, пока девочка не нарушила тишину:

- Грег, почему ты решил остаться? - спросила она возмущенно.

Грег посмотрел на нее исподлобья, хмурия брови. От недовольного взгляда Ялия занервничала и сунула руки в карманы пальто, замолкая, однако через несколько секунд продолжила более спокойным голосом:

- Ты же видишь, братья тебя недолюбливают, да и герцогиня недовольна, что ты остаешься. Я не понимаю, почему ты не вернешься домой.

- У меня здесь есть друг.

- Да кто же?

- Герцог, - коротко ответил Грег и как ни в чем не бывало продолжал шагать, однако вскоре он заметил, как Ялия замедлила шаг, а после и вовсе остановилась.

- Ты расстроена? – удивленно спросил Грег, глядя на растерянное девичье лицо и совершенно позабыв о недовольстве, вызванным ее возмущенным тоном.

- А как же твои родители? Разве ты не скучаешь по ним? А они по тебе?

- Иногда скучаю, - пожал плечами Грег. – Но они, думаю, не скучают, - Грег опустил глаза в пол, пряча взгляд, полный обиды и грусти. В тот момент он заметил, как Ялия что-то сжимала в кармане.

- Так спроси! Как ты можешь знать наверняка, что они думают? – оживилась Ялия.

- И так все понятно. Они отправили меня сюда и не написали ни одного письма. Я им не нужен, а мне и здесь хорошо!

- Но как же хорошо? Братья на тебя косо смотрят, да обзывают. Слуги шепчутся за спиной, а герцогиня только и думает о том, как выгнать тебя. Все тебя недолюбливают!

- Герцог и ты хорошо ко мне относитесь, - тихо возразил Грег.

- Я? – удивленно спросила Ялия, пристально смотря на лицо Грега. – Но я ничего не делаю.

- Это уже хорошо, - улыбнулся мальчик. – Пойдем.

Ребята зашагали рядом. Ялия шла, о чем-то задумавшись, то и дело спотыкаясь, но не вынимая правую руку из кармана пальто. Когда они дошли до беседок, каждый для себя принял решение - Грег решил задать вопрос, который мучал его с первого дня пребывая в Сертус-Долли, а Ялия освободила правую руку из кармана.

- Почему они обзывают меня овечкой?

- Ох, а я думала, ты понимаешь, - с удивлением ответила Ялия, но, разглядев замешательство на лице Грега, она пояснила: – Ты от крови простолюдина.

- Нет, я сын графа.

- Да, но твой отец – сын пастуха.

- Зачем ты врешь? – сказал Грег в недоумении. – Мой дед тоже был графом.

- Я не вру! - возмутилась Ялия. – Твой дед – Рик Грейн, не всегда был графом. Он рожден как простолюдин.

- Это ложь, а ты – лгунья - в словах Грега звучала подступающая злость.

- Нет, я говорю правду! – обидные слова Грега отозвались в Ялии, из-за чего она начала повышать голос. – Герцогиня рассказала нам это еще до твоего приезда. А она узнала это от герцога. А он знает все о своих подданных, поэтому это правда!

- Я не верю тебе, - зло прокричал Грег. - Ты заодно со своими братьями и пытаешься так меня выгнать отсюда!

- Если бы я пыталась, тебя бы здесь уже не было! – задыхаясь от негодования прокричала Ялия. - И я тебе покажу, как быстро это может произойти! – с этими словами Ялия толкнула Грега в грудь одной рукой, а после направилась в сторону особняка почти бегом.

Грег остался стоять на месте, кипя от злости, и смотреть в спину удаляющейся девичьей фигуре. Легкий ветер подул ему в лицо, остужая горячие щеки, пока Грег ждал, когда Ялия скроется в стенах здания.

Грег чувствовал неприятный осадок на сердце от размолвки с Ялией, когда он добрался до своей комнаты. Грег сожалел, что обозвал девочку лгуней и обвинил в сговоре с братьями, однако то, что она поведала ему, не выходило из его головы и заставляло злиться вновь и вновь. Но злило его то, что он не мог с уверенностью самому себе сказать, ложь это была или нет. Последние полгода научили Грега тому, что родители многое от него скрывают или недоговаривают.

Грег снял пальто и с силой бросил его на кресло, вымещая на нем раздражение, из-за чего из кармана показался незнакомый белый уголок бумаги. Мальчик взял сложенный лист, раскрыл его и в недоумении прочел первые строки:

«Здравствуй, брат!

Как ты и просил, извещаю тебя о результатах последней вылазки «Великого Расселения...»

Грегу показалось, что у него остановилось сердце. Пальца похолодели, а буквы в глазах поплыли. Великое Расселение? Брат? Джордж... Но этого не может быть. Перед занятиями карманы были пусты, Грег точно знал. Откуда тогда взялось письмо?

Грег опустил глаза на середину листа, где находилась подпись, гласящая «Король Вейлир». Мальчик присел на кресло, на котором лежало брошенная верхняя одежда. Грег почувствовал себя необычайно глупо и разочаровано, что готов был рассмеяться. Однако он быстро понял, кому было предназначено это письмо, и ему стало не до смеха. Смотря на злосчастное письмо, первое намерение Грега было, как можно скорее вернуть его герцогу. Но как объяснить, откуда оно у его? Поверит ли герцог, что его подбросили? Но кто это сделал?

Вторым намерением Грега было прочесть письмо. Все, что было связано с «Великим Расселением» волновало разум Грега, ведь он не мог оставаться равнодушным, зная, что этот путь выбрал его все еще любимый брат. Однако Грег знал, что читать чужие письма - это поступок низкого человека, потому боролся с чувством всепоглощающего любопытства.

Грег так погрузился в свои мысли, что не заметил, как скрипнула дверь, и на пороге появился Ямир, который внимательно разглядывал выражение лица Грега и лист бумаги, который тот крепко сжимал в руках.

Глава 5 - Лгун

– Воруешь письма отца, Грег? – раздался звонкий голос, который нарушил тишину комнаты и вырвал Грега из потока мыслей.

Без волнения мальчик поднял взгляд на Ямира. Тот выглядел довольным, и на лице зияло подобие улыбки, за которой он успешно скрывал задетое самолюбие и зависть. Однако Грег не стушевался, не стал прятать письмо или отрицать, что оно принадлежит герцогу, напротив он собирался это подтвердить:

– И откуда же тебе известно, что это герцога? – серьезным тоном сказал мальчик, намекая на участие Ямира в этом спектакле.

Ямир слегка скривился, а после как ни в чем не бывало грубо отчеканил:

– Догадался.

Он подошел к шкафу на своей половине, открыл дверцы и стал снимать верхнюю одежду. Грег тем временем присел на кресло, не заботясь о лежащем там пальто, и стал рассуждать.

Он был уверен, что Ялия подложила ему письмо, так же, как и уверен, что сама идея этого подлого поступка принадлежит ее братьям. Грег не сомневался, что именно Ялия украла письмо, ведь герцог разрешал только ей и ему находиться в своем кабинете. Прислуга убиралась там под его тяжелым взглядом, а вот детей он порой оставлял одних на некоторое время. Грег знал, что герцог безоговорочно доверял Ялии, а раз так, то обвинение в краже ляжет на него. Потому он четко решил, как можно скорее вернуть письмо герцогу, пока пропажа не обнаружилась.

Полный решимости, Грег поднялся с кресла и уверенно направился к выходу. Однако, не успел он схватиться за ручку двери, как ему пришлось резко остановиться из-за неожиданно раздавшегося голоса его соседа по комнате, который звучал приторно горделиво:

– Тебе следовало принять мои извинения, – он колко произнес каждое слово и добавил снисходительно: – тогда ничего из этого не было бы.

Про себя Грег лишь усмехнулся, ведь окончательно убедился в причастности Ямира к краже письма, однако вслух спокойно ответил:

– Тебе следовало извиниться больше, чем одним словом, – Грег выдержал небольшую паузу и продолжил, имитируя снисходительную интонацию Ямира: – Тогда бы я простил.

Не дожидаясь ответа, Грег покинул комнату, бесшумно закрыв за собой дверь. Шагая по извилистым коридорам, он думал о том, как правильно объяснить ситуацию герцогу, если о пропаже уже известно, однако он надеялся, что его размышления напрасны.

Грег не заметил, как добрался до знакомой и уже, казалось, родной двери. Он остановился перед ней и уткнулся взглядом в витиеватые узоры, собираясь с мыслями. Через пару минут мальчик наконец-то постучал, и из-за дверей послышался властный голос герцога, который развеял в прах надежды Грега, и сердце неприятно забилося чаще.

Стоило Грегу переступить порог кабинета, как он наткнулся на голубые девичьи глаза, такие же, как и у ее братьев. Ялия стояла возле отца, и вся сжалась при виде Грега. После мальчик взглянул на герцога, который грозно восседал за письменным столом, и вместо привычной улыбки его встретили сведенные брови, предвещающие беду. Тогда Грег понял, что опоздал, однако несмотря на это он вежливо поприветствовал герцога.

– Хорошо, что ты сам пришел, – без капли прежнего тепла изрек герцог и указал на один из стульев перед столом. Он приказал: – Садись. И ты, Ялия, тоже сядь.

Дети безоговорочно выполнили приказ. Давящая тишина и пристальный, изучающий взгляд герцога, который он переводил с одного ребенка на другого, разбили на осколки заготовленные слова Грега, и они накрепко застряли в его горле. Герцог пугающе возвышался над

детьми, однако вопреки этому Грег встретил, хоть и робко, его взгляд и прочел в нем разочарование... с каплей грусти?

– Ты украл письмо? – сухо и холодно прозвучал вопрос.

Грег молчал, силясь произнести хоть звук, но горло сковали цепи из страха, неуверенности, обиды и отвращения к себе из-за неспособности говорить. Секунды шли, а тишина стояла. Вопрос прозвучал вновь холоднее прежнего:

– У тебя письмо?

И вновь тишина.

– Отвечай, – потребовал герцог, но в этот раз чуть мягче. Он внимательно наблюдал за Грегом в ожидании ответа, чтобы не упустить малейшие признаки лжи.

Мальчик старался незаметно делать глубокие вздохи, в попытке унять бешеное сердце и вернуть предательский голос.

– Да, – коротко ответил он на выдохе, не в силах сказать больше.

Грег достал из кармана сложенный в несколько раз злосчастный лист бумаги и протянул его герцогу, прерывисто сказав:

– Я не... крал.

– Откуда оно у тебя?

– Не знаю, – прозвучала ложь, и Грег потупился.

Мальчик все же пытался мысленно себя оправдать: он не видел того, кто подложил ему письмо, а значит и не солгал. У него была лишь догадка, которая могла быть ошибочной. Но Грег осознавал, что это были лишь мысли, чтобы успокоить совесть, ведь он был уверен, что в конечном счете его предположение было верным.

Герцог слегка покачал головой, делая про себя выводы. После он шумно вздохнул и прислонился к спинке кресла, а его правая рука оказалась на столе и постукивала пальцами по дубовой поверхности. В комнате стояла тягучая тишина, прерываемая лишь отчетливым стуком пальцев. Грег сконфузился, теряясь в том, что стоит сказать, потому он делал единственное, что ему оставалось – ждать с замиранием сердца. Рядом, по правую его руку, смиренно и неподвижно, словно статуя, сидела Ялия. Грег успел забыть о ее присутствии, но резко вспомнил причину своей беды, когда неожиданно раздался усталый голос герцога, который заставил девочку сжаться из-за упоминания ее имени:

– Ялия утверждает, что видела, как ты украл письмо. У меня нет причин ей не верить, – герцог глубоко вздохнул вновь, потер лоб правой рукой, а после и глаза. – Да и ты подтвердил, что письмо было у тебя.

– Я его..., – Грег запнулся, собираясь сказать, что он нашел письмо, но, подумав мгновение, закончил фразу иначе: – не крал.

– Но откуда оно у тебя, ты говорить не собираешься, – устало и задумчиво произнес герцог. – Только вы двое могли находиться в моем кабинете без присмотра...

Грег резко и с надеждой поднял на герцога глаза, но тот уткнулся в поверхность стола, подперев ладонью лоб. «Он догадался! Он понял то, что понял я!» – пронеслось в мыслях мальчика. Грег посмотрел на Ялию. Девочка отвернулась от него, но он успел заметить ее дрожащие, плотно сжатые губы. Грегу было жаль ее, но не из-за подступающих слез в глазах, а из-за ее глупой доверчивости.

– Вы можете идти. Я сообщу о своем решении позже, – спокойно сказал герцог и с грустью посмотрел на любимую дочь, а после и на воспитанника, который за короткий срок стал ему дорог.

Шел третий долгий день, но герцог так и не озвучил решение, которое могло навсегда изменить привычный уклад жизни не только Грега, но и Ялии. Тем временем о произошедшем гудело все поместье, и его коридорные обитатели пророчили, что к концу недели «бывший» воспитанник герцога отправится в обратную дорогу. Более благородные обитатели дома тоже

не остались в стороне – старшие сыновья не упустили возможности позлорадствовать и отпустить пару колких замечаний в сторону Грега. Что касается герцогини, то она не высказывалась по поводу инцидента, по крайней мере во всеуслышание. Однако в те дни ожидания каждый мог заметить, что леди дома пребывала в добром настрое, что положительно сказалось на отношении к прислуге, и те вздохнули с облегчением. Лицо герцогини сияло довольством, а постоянные склоки с герцогом прекратились. Словом, все поместье было в предвкушении, и каждый его обитатель питал те или иные надежды.

Однако герцог не спешил появляться в доме, где его волнительно ждали. Вот уже два дня подряд он уезжал рано утром и возвращался лишь к ночи, не объясняя причину своего отсутствия. Так он и поступил на утро третьего дня, но в этот раз его незаметно провожали карие глаза, принадлежащие мальчику из окна на третьем этаже.

Грег не находил себе места. Ему понравилась жизнь, полная маленьких открытий по субботам, тишина и умиротворенность, которую дарили белоснежные беседки в жаркие дни, даже учитель мистер Пирки пришелся ему по душе несмотря на важный и горделивый вид. В те дни, чем бы мальчик не занимался, его мысли всегда возвращались к тому, как же помочь герцогу принять *правильное* решение. Грег понимал, что находится в зыбком положении, ведь его честь стоит против чести герцогской дочери. Если герцог оправдает его, то очернит имя Ялии, заклеив ее лгуней. Если выгонит Грега, то пострадает репутация семьи Грейн, не говоря уже о нечистой совести самого герцога. Потому герцог старательно избегал принятия решения, ведь выбор предстоял не из легких, однако Грег был этому даже рад, ведь у него появилась надежда, но что самое главное – время.

После завтрака третьего дня неопределенности Грег искал возможности встретиться с Ялией, однако она не появилась ни в саду, ни в учебном домике, ни в библиотеке. Грег предпринял попытку отыскать девочку в ее покоях, но ответом на робкий стук в дверь была тишина. Отчаявшись мальчик поинтересовался у прислуги о планах Ялии на день, но те ответили, что юная госпожа из поместья не выезжала и не собиралась.

В очередной раз попробовав поискать девочку в саду и потерпев неудачу, Грег решил разместиться в беседке, перевести дух и подумать о том, куда же могла подеваться виновница. Однако недолго он просидел за этим занятием. Солнце стремилось к зениту, а его ослепительные лучи играли на окнах особняка, отражаясь и создавая сверкание. Грег залюбовался сиянием, как вдруг в одном из окон он заметил девочку, сидящую на подоконнике с книгой в руках. Без промедления Грег помчался в особняк изо всех сил, но вместо того, чтобы поспешить к Ялии, он направился в свои покои.

Через короткое время Грег все-таки появился у ее дверей. Он опустил на пол, подsunул под дверь сложенный лист бумаги и громко, настойчиво постучал. Как и в первый раз, его встретила мертвая тишина – ни шороха не доносилось по ту сторону. Тягучее чувство неудачи в который раз разлилось в груди мальчика. Грег нахмурился и постучал в дверь еще раз. Тишина. Минута пролетала за минутой, а он все также упрямо стоял у дверей. Мальчик не собирался сдаваться, потому через некоторое время требовательный стук раздался в третий раз.

По ту сторону двери еле слышно донесся звук неуверенных шагов, за которым последовала привычная тишина. Грег затаил дыхание и набрался терпения. Вскоре его усилия принесли плоды – раздался шорох, шаги, а из-под дверей показался сложенный лист бумаги. С волнением внутри Грег развернул лист, но, стоило ему коснуться взглядом чернильных строк, как он почувствовал облегчение. На листе бумаге одним детским, но необычно ровным почерком было выведено: «Как ты себя чувствуешь? Это Грег». Другая надпись, выведенная менее аккуратно, гласила: «Хорошо. Это Ялия».

Грег улыбнулся и подошел к маленькому столику, который служил подставкой для вазы и удачно находился возле комнаты Ялии. Здесь мальчик ранее оставил пару чистых листов бумаги, баночку чернил и одно гусиное перо. Не беспокоясь о почерке и чернильных пятнах,

Грег быстро написал на том же листе: «Я хотел бы поговорить. Откроешь дверь?». Через мгновение записка была отправлена и также быстро получен ответ, который содержал короткое «Нет». Мальчик с досадой вздохнул, но стараясь не терять энтузиазма, обмакнул перо в чернила и уверенно написал следующее: «Я не злюсь на тебя. Но будет злиться герцог, когда узнает правду. Тебе нужно признаться».

Послание было отправлено, и за дверью наступила продолжительная тишина. Грег потупился, прислушиваясь и ожидая каждую секунду услышать хоть малейший звук. Но время шло, а напряжение все нарастало. Мальчик ругал и злился на себя за то, что поспешил с резкими фразами, тем самым спугнув Ялию. Слова обратно не вернуть, но можно попробовать смягчить их, потому Грег направился к столу написать еще одно послание. Однако, к его счастью, в этот момент раздался заветный шорох. Грег резко обернулся и, увидев долгожданный лист бумаги, схватил его. Дрожащими руками он раскрыл лист и прочел мелко выведенную надпись: «Ты ему расскажешь?». Грег быстро, как только мог, криво вывел одно слово: «Нет». Он собирался его отправить, но в последний момент передумал и добавил еще несколько слов: «Но он сам догадается». Грег передал записку.

Не дожидаясь ответа, Грег схватил новый лист бумаги и написал, случайно капая тут и там чернильными пятнами: «Герцог понимает, что один из нас лжет. Письмо пришло в этот понедельник, он сам нам об этом рассказывал, помнишь? Но я никак не мог его украсть, ведь я бываю в его кабинете *только* по субботам. Он точно догадается, что это ты, поэтому лучше признайся сама, Ялия!».

Грег ожидал ответа бесконечно долгих восемь минут, в течение которых лоб мальчика покрылся испариной, его пульс громко бился и отдавался в голове. Каждая секунда ожидания мучала его и рисовала в сознании картины его изгнания.

Дверной замок щелкнул, но Грег не сразу это осознал. Ему все казалось, что разум выдает желаемое за действительность, однако, когда дверь отворилась, но лишь на маленькую щелочку, и в проеме показалась заплаканное, красное лицо Ялии, Грег наконец поверил в происходящее, замерев на месте. Девочка, шмыгая носом, еле слышно произнесла заветные слова, которые разжали тиски на сердце Грега и положили конец его переживаниям:

– Я признаюсь, – прозвучало тихо. И Ялия чувственно добавила, смотря в глаза Грегу: – Обещаю.

И Грег ей верил.

На следующий день, рано утром, все также с высоты третьего этажа, Грег наблюдал, но уже с теплом на душе, как Ялия остановила уходящего герцога и, опустив глаза в пол, поведала ему о своем злодеянии. Герцог не был удивлен, наоборот, он как будто ждал признание, которое помогло бы выпутаться из этой липкой размолвки. Герцог не ругал Ялию, вместо этого он дал ей наставление – не принимать поспешные решения, которыми движут эмоции, особенно злость, и взял с нее обещание, всегда следовать этому совету. С легкими сердцами отец и дочь направились в дом, где объявили домочадцам о разрешении запутанной и весьма неприятной ситуации. С кем и какие беседы были проведены в последующие пару дней, Грег не мог знать, но видел их результат. Любые разговоры со стороны обитателей поместья о изгнании Грега прекратились в одночасье. Даже старшие сыновья больше не докучали Грегу не только по поводу недавних событий, но и в любом виде. Казалось, для них и герцогини Грег исчез.

Ялия сердечно извинилась перед Грегом, искренне раскаиваясь в своих действиях, и поблагодарила за помощь, на что он ответил прощением, ни на долю не покривив душой. С тех пор одна спокойная, размеренная неделя сменяла другую. Чаще всего дни Грег проводил в компании Ялии, потому как общее, хоть и вызывающее гнетущие воспоминания «приключение» сплотило их. Они многое делали вместе: завтракали, шли на занятия или просто читали каждый свое в тишине, разместившись в белоснежной беседке или в библиотеке. Однако Грег не спешил называть Ялию другом, но хорошей приятельницей он ее считал. Они нередко дели-

лись мыслями друг с другом, не боясь показаться глупыми. Грег поведал Ялии о судьбе Джорджа и своих переживаниях, но он никогда не признался бы ей, что в час, когда он просил ее быть честной, он сам намеренно скрывал решающую правду. Грег действительно учился с герцогом только по субботам, но самостоятельно Грег занимался в лечебном кабинете намного чаще, что было маленькой тайной герцога и его воспитанника.

К счастью, тайна осталась тайной, и пять лет прошли мирно и без происшествий.

Май только начался, но за окном уже стояла та особенная духота, которая заставляла ощущать нехватку воздуха. Час был послеобеденный, а потому Грег и Ялия, не имея важных дел в ту субботу, коротали время на берегу озера, в спасительной тени ясеня. Юноша прислонился к стволу дерева и увлеченно, в который раз изучал страницы старой, потрепанной книги, которая полулежала на его согнутых ногах. Лицо юноши было расслаблено, не считая того, что он хмурил черные брови каждый раз, когда легкий ветерок пытался перевернуть хрупкие листы книги и бросал волосы, которые прилично отросли за прошедшие года, в его лицо. Девушка лежала на другом конце покрывала, рядом с корзиной с фруктами и небольшим томиком рассказов, и каждый раз то хихикала, то усмехалась, когда борьба с неумолимым ветром происходила вновь. Ее светлые волосы веером лежали на земле, а глаза неотрывно следили за Грегом, подмечая в который раз знакомые черты худого лица.

Шаловливый ветер подул вновь, вызвав громкий девичий смешок – прядь волос Грегга, попала ему прямо в рот, когда тот делал глубокий вздох.

– Тебе бы подстричься, – отсмеявшись, посоветовала Ялия. – Или заплетись. У меня как раз есть чудесные ленты. Хочешь? – не в силах сопротивляться, девушка вновь залилась хохотом, видя, как Грег пытается откашляться. Сквозь подступающие слезы она добавила, держась за живот: – А то либо в суп макаешь, либо прядь съедаешь!

– Не хочу, – буркнул Грег, поправляя пятерней волосы и присоединяясь к смеху.

Ялия пожала плечами и подняла глаза на листву ясеня. Она рассматривала переплетения ветвей, и ее взгляд приобрел оттенок задумчивости. Через некоторое время она бросила это дело и, взглянув на Грегга, чувственно и медленно произнесла:

– Тебе не нужно быть на него похожим. Я уверена, родители любят *тебя*, а не твою схожесть с братом.

– Я знаю, – отчасти соврал Грег и с легкой, доброй улыбкой посмотрел на Ялию.

Каждые полгода, начиная с одиннадцати лет, Грег возвращался к родителям на три недели. Они старательно показывали ему свою любовь, окружали, чуть ли не душили заботой. Их поведение походило на отчаяние, которое дошло до своего пика, когда на лице Грегга стали проявляться черты Джорджа, которые напоминали им заботиться об единственном сыне все усерднее и усерднее. Грег тоже заметил внешние изменения в себе, которые вызвали в нем неоднозначные чувства. Сперва он испугался, что призрак брата вселился в него, но после обрадовался, ведь так он мог заполнить пустоту внутри себя родительской любовью, совершенно не подозревая, что получил бы ее в любом облике. Грег страшился вновь потерять родительское внимание, хоть и уверял себя в неискренности их чувств, однако несмотря ни на что он старательно воссоздавал в себе образ брата, который навсегда запечатлел в сознании.

Грег был убежден, что поступал правильно и преуспел в этом, но Ялия, как наблюдатель со стороны, была другого мнения. Во-первых, она считала, что подражание чужому образу губит уникальность, присущую каждому человеку, а Ялии нравилась уникальность Грегга. Ей нравился его острый ум и нос, его немногословность и размеренность, легкость движений. Она любила выводить его на спор, хоть нередко оставалось проигравшей. Задать ему странный, чудной вопрос и получить точный, серьезный ответ – одно из ее любимых занятий. Его неспешность и собранность дарили ей теплый покой, потому она оставалась рядом. А во-вторых, как она могла судить по рассказам Грегга, его брат имел прямые, длинные волосы, которые

никак не походили на густые, отросшие кудри Грега, которые лезли во все стороны и создавали беспорядок.

Ялия поднялась и села рядом с Грегом, точно также, как и он, прислонившись к стволу дерева.

– Над чем голову ломаешь? – будничным тоном спросила она, кивнув на книгу.

Грег был рад перевести тему, потому, без лишних вступлений, он поделился с ней своими мыслями:

– Пытаюсь кое-что понять. Я столько часов просидел над этими рецептами, – Грег опустил взгляд на книгу, – и, как ты знаешь, многие из них у меня даже получилось сварить, но только сейчас я действительно обратил внимание на некоторые части, которые мне непонятны. Раньше я их просто пропускал...

– А почему пропускал-то? Разве они не важны для правильного приготовления?

– Думаю, нет, – юноша покачал головой и объяснил: – Это просто дополнительные разъяснения или описание. А я хотел как можно быстрее продвинуться и что-нибудь приготовить по рецепту, потому был сосредоточен только на ингредиентах и их обработке.

– Понятно, – девушка сопроводила фразу кивком. – Но что именно тебя так озадачило?

– Вот, послушай, – сказал Грег и, прочистив горло, прочел вслух: – «...клюква является одним из самых мощных природных антибиотиков».

– Антибиотики... антибиотики..., – задумчиво произнесла Ялия, пробуя слово на вкус. – Это что?

– Не знаю, – устало и разочарованно вздохнул Грег, – но я хотел бы хоть немного узнать об этом.

Ялия удивленно посмотрела на него:

– И до сих пор ничего не удалось узнать?

– Ничего, – Грег покачал головой и уткнулся взглядом на книгу. – Я искал это слово и в словарях, и справочниках по медицине, и спрашивал у герцогского врача, да и самого герцога. Но совершенно ничего, даже отдаленно, не нашел. Точно также, как и герцог несколько лет назад.

– Точно-точно, он что-то такое упоминал, – сказала Ялия, вспоминая.

– Поэтому я и решил попробовать найти другое упоминание в этой же книге, раз нет других идей. Но пока никаких успехов.

Воцарилось молчание, прерываемое лишь шелестом книжных страниц и листвы, дребезжащей на ветвях. Очередной порыв ветра испугал птицу, которая сидела среди листвы, и она вспорхнула, сорвав молоденький, тоненький листочек, который приземлился к ногам Ялии. Девушке хотелось помочь Грегу всей душой, и к ее удаче, глядя на оторванный листок, она пришла к весьма разумному выводу.

– Думаю, ты не найдешь ответ на ближайшей книжной полке, но... – уверенно произнесла Ялия и, увидев вопросительный и заинтересованный взгляд Грега, продолжила с нескрываемым энтузиазмом: – раз гримуар – странная книга со словами, которые никто раньше не слышал, то нужно искать там, где мало кто бывает, а именно – в королевской библиотеке. Тем более отец взял ее как раз оттуда!

Грег обдумал слова Ялии. После короткой паузы он закивал, соглашаясь с девушкой, и одарил ее теплой улыбкой:

– Ты права!

Ялия вернула ему улыбку, и восторг на ее лице невозможно было не заметить. Девушка вскочила со своего места, не в силах сдержать радость от похвалы и принялась ходить из стороны в сторону, рассуждая вслух:

– Нам бы попасть туда хотя бы на пару дней! Я могла бы сказать отцу, что хочу навестить дядю, и тогда мы бы поехали вместе во дворец, пробрались бы темной ночью в библиотеку ...

– Зачем же ночью? – поинтересовался Грег, усмехнувшись.
– Ладно, можно днем, – шутливо махнула рукой Ялия в его сторону. – Так даже лучше – будет больше света! И там мы найдем...

– А как ты думаешь, – неожиданно перебил ее Грег, – сколько лет этой книге?

– А год печати там разве не указан?

– Указан. И автор указан. Только вот и год, и автор перекрыты черной краской или чернилами.

– Правда, что ли? Покажи! – Ялия мигом очутилась рядом с юношей, заглядывая через его руку. – Действительно... Ох, кто-то точно сделал это нарочно! – девушка взглянула на Грега, широко раскрыв глаза.

– Согласен. Но вот кто и зачем?

Вопрос повис в воздухе, но ненадолго, ведь увлекательная беседа, полная удивительных и абсурдных предположений полилась рекой. Она продолжалась до тех пор, пока жара не стала совсем невыносимой, и даже тень ясеня и порывы ветра не перестали спасать.

У дверей Сертус-Долли ребят встретил дворецкий, который поклонился хозяевам и почтительно обратился:

– Миледи, милорд, с возвращением! – дворецкий поспешил взять протянутую Грегом корзину. – Милорд, – обратился он непосредственно к Грегу еще раз, – Его Светлость герцог желает Вас видеть у себя в кабинете.

– Как скоро? – буднично спросил юноша.

– Сразу же после Вашего возвращения – такого было распоряжение Его Светлости.

Ялия мигом кинула удивленный взгляд на Грега, но тот ни на долю секунды не поменялся в лице. Внешне он оставался спокоен, что нельзя было сказать о его внутреннем состоянии – внезапное желание герцога видеть его как можно скорее, забило в юноше колокол тревожности. Грег сдержанно кивнул и мягко обратился к Ялии:

– Тогда мне не стоит задерживаться. Увидимся позже, хорошо?

– Конечно, – растерянно произнесла Ялия, и уже через секунду она взглядом провожала его стремительно удаляющуюся фигуру.

Поднимаясь по лестнице, Грег перебирал причины, по которым герцог мог захотеть так поспешно его видеть. И как бы он не старался поместить самую пугающую догадку на край своего сознания, она упорно рвалась в первые ряды его мыслей. Несмотря на то, что была суббота, занятия с герцогом больше не проводились – запас знаний герцога был исчерпан, так же, как и его интерес к медицине. Потому было принято решение, что Грегу пора учиться у настоящего врача, который по любезной просьбе герцога занимался с Грегом два раза в неделю. По этой причине глава семьи Фиделис стал меньше времени проводить со своим воспитанником, но Грегу хотелось верить, что их отношения оставались доверительными и герцог, все также хочет видеть его в своем доме.

Однако, как часто это бывает, тайные, подавленные сомнения, которые прятались на дне души и сознания, как черви после дождя, выползают на поверхность, когда наступает момент неизвестности и ожидания. Тогда-то усталый, истерзанный мозг, что создавал тонкую иллюзию спокойствия и уверенности, рисует самые страшные события. Так ощущал себя Грег, идя по бесконечным коридорам. «Вот и конец. Сейчас он посмотрит на меня добродушным взглядом и попросит уехать», – подумал юноша, добравшись до нужной двери.

Грег постучал, взялся за ручку и, когда услышал привычно добрый голос, приглашающий войти, толкнул тяжелую дверь, которая плавно отворилась. Герцог, сидя за столом, встретил улыбкой, попросил Грега присесть и тот машинально выполнил просьбу. Юноша взглянул на герцога как испуганная овечка, но мужчина, будучи чересчур воодушевленным, не разглядел тревожные знаки и торжественно начал произносить заготовленную речь:

– Грег, ты живешь под моим крылом уже пять лет, – от прозвучавших слов Грег сжался, как будто готовясь к удару, – и как бы мне этого и не хотелось, но я уверен, что вскоре ты покинешь этот чудесный дом.

Грег поник и опустил глаза, которыми до тех пор неотрывно следил за герцогом, почти не моргая. Его тело обмякло, и голова его, как у куклы, безжизненной опустилась на грудь, в которой с эхом упало сердце. Юноша не мог оспорить решение главы дома, а потому смиренно ждал, когда герцог окончательно укажет ему на дверь. Тем временем герцог продолжал:

– Должен признаться, я считаю тебя частью семьи, потому обязан заботиться о тебе и думать о твоём будущем, – герцог прочистил горло, выдержал паузу в пару секунд и радостно объявил: – Сегодня утром я получил ответное письмо от моего брата, Его Величества, на просьбу о твоём зачислении в академию при короле Вейлире, где ты можешь продолжить обучение медицине! Конечно, тебе решать, но, – герцог усмехнулся, – уверен, ты не откажешься!

Грег замер на мгновение, сделал глубокий вздох и в неверии взглянул на герцога. Юноша не мог сказать, рад он был этому событию или огорчен, но он точно знал, что почувствовал облегчение от того, что герцог не отправляет его в изгнание и у него наконец-то есть выбор.

– Я хотел бы остаться, – выпалил Грег.

Герцог растерялся. Он хоть и предоставил выбор, но не предполагал услышать отказ. Мужчина потер виски, как будто те разболелись, и глаза. На его лице без труда читались удивление и обескураженность.

– Что же, раз таков твой выбор, – поникшим голосом начал герцог, но был перебит громким стуком в дверь. – Войдите!

На пороге показался дворецкий, который поклонился и обратился к герцогу:

– Милорд, герцогиня просит видеть Вас в ее кабинете.

– Я занят. Позже, – устало ответил герцог. – Можешь идти.

Дворецкий замялся, не двинувшись с места, и осторожно произнес:

– Прошу прощения, милорд, но Ее Светлость настоятельно требует. Передать отказ?

– Требуется? – удивленно и с раздражением прозвучал герцог, однако, подумав несколько секунд, он тяжело вздохнул, после встал из-за стола и обратился к Грегу: – Жди меня здесь. И хорошенько обдумай решение.

Грег проводил герцога взглядом, дожидаясь пока он останется в кабинете один. Не теряя времени, юноша осмотрел письменный стол и, как он и надеялся, среди прочих бумаг нашел отложенное в сторону распечатанное письмо, на котором красовался герб королевской семьи. Без зазрения совести он потянулся через стол и взял заветный лист бумаги. Грег прошелся взглядом по первой строчке, которая звучала точно также, как и в письме, которое попало ему в руки пять лет назад. Те пару строк, что он тогда уловил, накрепко отпечатались в памяти и нередко будоражили мысли. Как бы Грег не старался отрицать, но он сожалел о том, что оставил тогда письмо непрочитанным. Его непреодолимо тянуло к правде о «Великом Расселении» и даже совесть и благородное воспитание перестали этому препятствовать.

Письмо звучало так:

«Здравствуй, брат!

С радостью сообщаю, что для твоего способного воспитанника нашлось место в королевской академии. Занятия начинаются первого августа.

Также хочу сообщить тебе новости о весенней вылазке, но увы, подробности не могу описать в письме. Могу лишь сказать, в этот раз белокрылый принес весть, отличающуюся от тех, что мы получали ранее, потому жду тебя во дворце для личной встречи.

Король Вейлир»

Грег перечитал письмо несколько раз, после аккуратно положил на прежнее место и задумался. Король хочет лично передать сведения о «Великом Расселении», а это значит, что что-то важное произошло или только происходит, но сидя здесь не получится это узнать. Герцог

как-то обмолвился, что никому неизвестно, что находится за границей леса, но народу говорят, что там живут наши люди, что они строят деревни и города. Потому каждые пять лет мы отправляем им помощь в этом нелегком деле. Это противоречит друг другу, значит от народа скрывают правду. К этому выводу Грег пришел давно. Как и усвоил то, что любое поместье, или дворец, похож на муравейник, по коридорам которого течет шепот слуг, полный тайн и слухов. Герцог наверняка в скором времени отправится во дворец, а королевская академия находится недалеко оттуда, значит во дворец они могут поехать вместе. Там он попробует узнать, о чем шепчет дворец, и наверняка у него появится возможность попасть в королевскую библиотеку. Да и что таить, ему действительно нравилась медицина, потому перспектива изучать ее в лучшем месте была неплоха.

Глаза Грега загорелись и руки пронзила легкая дрожь от волнения и предвкушения, что так удачно сложились события. В этот момент вернулся герцог, принес с собой на лице усталость и досаду. Он направился к креслу у стола, на ходу обращаясь к Грегу:

– Продолжим про академию. Не стоит поспешно отказываться, я дам тебе неделю на размышления.

– Не нужно, – заверил Грег.

– Нет, я настаиваю.

– Я поеду в академию.

Герцог с удивлением посмотрел на своего воспитанника, так и не усевшись в кресло, усмехнулся, качая головой, и довольно произнес:

– Надо же, хватило и десяти минут в тишине. В любом случае, я искренне рад за тебя!

И Грег ему верил.

Глава 6 - Трое Против Одного

В просторной комнате с окнами в пол за длинным столом сидело четверо. Утренние лучи падали на их серьезные, ожидающие лица. В одно мгновение, словно следуя негласному приказу, четыре пары глаз обратились к дверям, которые без стука, плавно отворились, и в комнату вошел крупный мужчина со светлой бородой. Он окинул собравшихся беглым взглядом – те поднялись, склонили головы в знак приветствия и поспешно сели обратно, пока король направлялся к величественному креслу у изголовья стола.

– Приветствую вас, лорды и леди, – раздался спокойный голос короля, едва он уселся в кресло. – Знаю, вы, как и я, не ожидали встретиться так скоро вновь, но, уверен, на то есть причина.

Король перевел взгляд на молодого мужчину в очках и обратился:

– Лорд Талип, прошу вас объяснить причину этой незапланированной встречи.

– Конечно, Ваше Величество, – кивнул лорд и перешел к делу: – Вчера из-за границы прилетел голубь с очередной вестью от последнего отряда, но на этот раз послание показалось мне тревожным.

Перебрав несколько листов перед собой, лорд нашел нужный и продолжил:

– Я прочту его вслух, чтобы каждый мог судить сам. «Начали строительство на поляне, которая находится сразу за границей леса по правую сторону от реки «Западный рукав». Здесь же подготавливаем почву для первых полей. Закончили исследование местности вокруг – живности в лесу и рыбы в реке много; травы, ягоды и грибы почти все известные; растительность плотная, деревья высокие, но вдвое ниже, чем на границе; за лесом река разбивается на два русла; следов человека не найдено».

Лорд Талип отнял глаза от бумаги, выдержал небольшую паузу, затем поочередно окинул взглядом присутствующих через толстые стекла очков и добавил:

– До этого момента послание звучит, как обычно, и нам все это уже известно из посланий предыдущих отрядов, однако дальше идет следующее: «Другие люди. Они плывут».

Справа от лорда Талипа глава Порядка – лорд Хичиган – шумно вдохнул носом. Это был мужчина средних лет, крепко сложенный, с совершенно лысой головой, но с пышными бакенбардами. Он отличался неизменным суровым взглядом и жесткой, выверенной сдержанностью на лице. У лорда Талипа было стойкое чувство, что глава Порядка в любой момент был готов обнажить меч и пролить кровь такого же красного цвета, как и его военный мундир. Это был человек решительный и скрытный – его лицо никогда не выдавало мыслей и намерений. Потому лорд Талип не сомневался: неосторожный, шумный вздох – единственный признак его удивления и напряженности.

Другие члены Совета Пятерых выразили потрясение более красноречивым образом. Например, леди Аттори, которая являлась неординарной личностью и занимала должность казначея, поспешила задать вопрос первой:

– Почему вы считаете известие тревожным? – ее черные глаза пронзали насквозь лорда Талипа. – Мне оно кажется, наоборот, долгожданным и обнадеживающим. Наш народ сотни лет искал разумную жизнь за границей и вот, наконец-то, перед нами пока призрачное, но подтверждение того, что мы не одиноки.

– Все верно, – закивал лорд Талип и протянул письмо сидящей напротив леди. – Но взгляните на почерк. Само письмо написано грамотно и аккуратно, а вот эти строки явно были добавлены другим человеком – торопливо, почти неразборчиво. К тому же, обратите внимание на нижний край бумаги – на нем пятна крови.

Леди Аттори осторожно приняла протянутый лист бумаги и изучала его на протяжении долгих минут. Лорд Талип внимательно следил за ее реакцией. Молодая женщина вчитывалась

в каждое слово, немного сузив глаза, пока ее брови резко не нахмурились. Однако уже через мгновение, довольная своим наблюдением, она передала бумагу лорду Хичигану и обратилась к совету:

– Даты отправки нет. Насколько я помню, старший отряда получил четкие приказ на этот счет.

– Да, вы правы, в остальных письмах были даты, – соглашаясь, закивал лорд Талип. Признаю, я это упустил... Это еще одно подтверждение тому, что послание было отправлено в спешке.

Тем временем глава Порядка мельком просмотрел письмо и озвучил то, что вертелось на уме у каждого:

– Это предупреждение. Скорее всего, бедняга, что отправил письмо, заплатил за это жизнью, – лорд Хичиган указал взглядом на красные пятна на бумаге, что лежала перед ним.

– Согласен с Вами, – тяжело вздохнул лорд Талип и обратился к почтенной даме. – Что Вы думаете, леди Витр?

В обязанности Леди Витр входило общение с народом и выражение, представление его интересов, однако единственный интерес, который она выражала – это вечное напоминание важности персоны короля, ведь помимо занимаемой должности – Голос Народа, она занимала место в королевской семье – была теткой Его Величества по отцовской линии. Это была сварливая дама низкого роста, недоверчиво относящаяся ко всем, кто не являлся частью семьи, но даже в этом вопросе у нее было свое представление о том, кто в нее входил, а кто нет.

– Пора услышать слово короля, – сухо и важно изрекла леди Витр. Она скривила губы и, даже не взглянув на письмо, демонстративно передала его племяннику.

Несмотря на внушительный вид, король обладал мягким характером, который, по мнению леди Витр, совершенно не годился для правителя. *Он не умел ни выражать, ни отстаивать свою точку зрения — да и в сущности, по большинству вопросов у него ее попросту не было.* В первые года правления Вейлир пытался участвовать в управлении, однако сердобольность мешала принимать необходимые строгие меры. Даже когда ему удавалось заглушить сострадание и жалость, то врожденная нерешительность давала о себе знать, заставляя откладывать решения до последнего – пока неутомимая сердобольность не просыпалась вновь. По этой причине король стал полагаться на слова советников, пока его собственные слова окончательно не затихли.

– Я... хотел бы услышать... – Вейлир нарочно тянул слова, отчаянно пытаясь собраться с мыслями. – Какие дальнейшие действия вы можете предложить?

Король, опустив взгляд на письмо, медленно пробежал его глазами. Воцарилось напряженное молчание – и тут оно было прервано пылкими словами лорда Талипа:

– Я всю ночь размышлял об этом, Ваше Величество, – Талип глубоко вдохнул, словно собираясь с духом, и выпалил на одном дыхании: – Мы должны прекратить посылать людей на бессмысленную смерть. Прошло пятьсот лет с первых вылазок, но кто-то, лес или люди, старательно держит нас здесь, так пусть тому и быть!

– Возражаю! – раздался звонкий голос леди Аттори. – Ваше Величество, впервые за пятьсот лет, – она выразительно посмотрела на лорда Талипа, – у нас появилась первая зацепка! Мы узнали, что за границей есть другие люди! Это огромный прогресс, сейчас не время останавливаться.

– Люди, которые убили сотни *наших* людей... – с горечью возразил лорд Талип.

– Мы не знаем этого наверняка, – покачала головой девушка. – Может, отсутствие даты – признак забывчивости, неразборчивый почерк – радостная взволнованность от встречи с местными. Что, если кровь на письме вообще не человеческая?

– Слабые доводы, леди Аттори, – фыркнул лорд Талип.

– Согласна, над доводами можно подумать еще, но я лишь хочу сказать, что все может оказаться совершенно не так, как Вы, лорд Талип, выдумывали в ночи.

– Нет. Учёный Муж истолковал тревожные знаки правильно, – раздался холодный голос лорда Хичигана. В зале повисла тишина – все присутствующие обратили на него заинтересованные взгляды.

– Благодарю за Вашу поддержку, лорд Хичиган.

– Однако с Вашими словами, Леди Аттори, я тоже согласен – «Великое Расселение» должно продолжаться. Мы узнали, что за лесом всего лишь люди, а как убить человека – дело известное. Дайте время до следующей весны, и я сделаю отряд подготовленных бойцов из бездомных бедолаг и воров. Они смогут дать отпор.

Леди Аттори закивала головой, в знак согласия, а губы лорда Талипа дернулись в гримасе отвращения. Ученый Муж, не скрывая неприязнь, был готов возразить лорду Хичигану, однако леди Витр не дала разгореться спору. Как всегда, она напомнила, за кем остается последнее слово.

– Не спорьте! Последнее слово все равно за королем, – раздраженно оборвала она, заполняя громким голосом все пространство. Затем, уже тише, продолжила: – Поступим так: ждем вестей два месяца. Если придет новое послание, в нем будут разъяснения. Если нет... – женщина сделала паузу и задержала взгляд на лорде Талипе, – значит, что ваше предположение верно – отряд уничтожен. Тогда первого июля мы соберемся и проголосуем о прекращении миссии «Великое Расселение». У каждого будет время обдумать свою позицию.

Леди Витр устало посмотрела на племянника и уважительно обратилась к нему:

– Ваше Величество, одобряете ли вы такой план?

– Да.

Король Вейлир осмотрел лица Совета Пятерых – их взгляды были тверды. И у него возникло стойкое чувство, что мнения за два месяца не изменятся, а потому впервые за несколько лет его слово действительно станет решающим. Осознание жгло в груди, и груз людских жизней опустился на его плечи, пригибая к земле.

Прошел месяц. Не было ни дня, когда король не мучил бы себя тяжелыми думами. Его окончательное решение менялось десятки раз, и вот, в очередную звездную ночь оно изменилось вновь. Сердце Вейлира ныло и болело от осознания, что сотни людей могут погибнуть от одного его слова. Но страх холодной рукой тут же сжимал горло при мысли, что случится, если он его не скажет. Тревога донимала короля днем, а ночью выливалась в кошмары, терзавшие уставший разум.

В ту ночь Вейлиру снились кровавые глаза, что подглядывали за королевством из жуткого леса. Охваченный страхом, он велел покинуть людям приграничные земли, надеясь, что это уберет их от лесных чудовищ. В ответ на это лес стал разрастаться и теснить людей все дальше, к морю. Лес наступал, выгоняя из домов одну семью за другой. Окруженные горами и морем, загнанные в ловушку, люди, не зная, куда деваться, карабкались на скалы, но неизбежно срывались и падали – прямо на острые, словно кровожадные когти, вершины гигантских деревьев.

И вдруг, за морем, на горизонте показались лодки. Король, обуянный чувством облегчения и надежды, вместе с народом бросился на встречу волнам. Они кричали, звали на помощь, и на их зов к берегу потрепанного королевства причалила огромная лодка. Король с мольбой поднял на нее взор, приветствуя спасителей, но был ослеплен яростью кровавых глаз. Он бросился бежать из воды, но ему в спину ударила пенящаяся волна и перед тем, как накрыть Вейлира с головой, она позволила ему обратить взор на лес, что уже достиг берегов. Из леса на него смотрели сотни покалеченных, раненных людей, которые держали в руках белых, трепещущих голубей. Люди одновременно выпустили птиц, и те с молниеносной скоростью взвились в воз-

дух. Голуби окружили короля, вгрызаясь в кожу, вырывая куски из его тела. Они царапали, клевали его мозг, пока красные волны топили его тело сотни раз.

Король резко вздохнул, пытаясь вырваться из глубины. Потолок плыл перед его пустым взглядом, пока грудь резко вздымалась в такт учащенному сердцебиению. Он чувствовал, как мокрая рубаха мерзко липла к холодному телу, вызывая колющие мурашки. Вейлир потянулся стереть испарину со лба, но руки не двинулись – тело не принадлежало ему. Король привычно прикрыл горячие веки и стал ждать, когда оно вновь подчинится разуму.

– Ты не спишь? – мягкий шепот коснулся левого уха.

Вейлир медленно повернул голову — ощущение сна еще не отпустило тело, но контроль медленно разливался по мышцам.

– Уже нет, – голос звучал тихо и хрипло из-за жуткой сухости в горле. – Дурной сон.

Королева лежала на боку, освещаемая лунным светом. Ее светлая кожа была почти белой, а нежные черты лица – еще красивее. Ее брови были нахмурены, а взгляд выражал беспокойство.

– Даже ночью нет тебе покоя...

– Все в порядке, – Вейлир попытался приободрить жену улыбкой. – Еще месяц, и это прекратится.

– «Это?», – ее голос оставался спокойным, успокаивающим. – Ты говоришь про кошмары или...?

Король не спешил с ответом, ведь он сам до конца не знал его. Он отвернулся к окну. Вейлир ложился спать с уверенностью, что миссия продолжится, но теперь, смотря на полную луну, он видел перед собой несчастные лица людей, искаженными гримасами боли, и его уверенность меркла.

– Думаю... Я не знаю... Думаю, да, про кошмары... и про миссию, – король тяжело вздохнул. – Мне надо прекратить убивать людей. Мне надо остановить миссию... да.

– Но *ты*не убиваешь их. Это необходимая жертва ради спасения остальных.

Вейлир замер, задержав дыхание, и взгляделся в лицо Валиссандры, словно видел ее впервые. Королева всегда отличалась тихим, миролюбивым нравом, а кротость и молчаливость придавали ей возвышенный облик. Даже внешне она напоминала ангела — светлые длинные волосы, изящная фигура и легкая, плавная походка. Но сейчас в ее голосе звучала непривычная твердость, почти властная нота, и это удивило короля.

– Валис, милая... – прошептал Вейлир, тревожась. – Что ты имеешь в виду?

– Я боюсь, – ее голос звучал по-прежнему тихо и вкрадчиво, но теперь в нем чувствовалось нечто новое – звенящая тревога. – Меня страшит то, что люди из-за леса могут прийти сюда, а мы ничего о них не знаем. Наши предки понимали важность миссии: нельзя просто ждать – нужно быть готовым к неизвестности и дать отпор, если понадобится.

Король провел рукой по лицу, растерянно качая головой:

– За столько лет не было ни единого знака угрозы. Лучше прекратить вылазки и не привлекать опасность.

– Но ведь угроза может появиться в любой момент! Не на твоём правлении, так на правлении нашего сына!

Валиссандра резко подалась вперед, опершись на локоть. Ее щеки покраснелись, и в глазах пылал неизвестный огонь решительности.

– Прошу, ради меня, ради сына, кого угодно, но не прекращай миссию, иначе мы все погибнем! У нас нет опыта в войне, но крупица знаний о противнике может дать нам шанс!

Вейлир сел в постели, обнял жену и стал гладить ее по спине, пока она глубоко дышала.

– Тише, тише... Что же, ты так разволновалась...

– Мне страшно.

– Теперь я знаю.

- И все равно отменишь миссию? – Валиссандра прошептала в грудь мужа.
- Думаю, нет... но мы поговорим об этом утром.

Король измученно прикрыл веки, все еще держа жену в руках. Он понял, что в который раз его решение оказалось хрупким, и он чувствовал, словно сам был готов уйти за границу, лишь бы избежать бремени – отвечать за судьбы тысяч людей.

В течение следующего месяца во дворец прибыл герцог Фиделис со своим воспитанником. Король с трепетом ждал младшего брата, потому как надеялся получить от него дельный совет, однако королю было суждено разочароваться в своих ожиданиях.

Вейлир встретил брата с широкими объятьями. После он попросил одну из придворных дам проводить герцогского воспитанника, а сам повел брата прямо в кабинет.

– К чему такая спешка? – герцог недовольно поморщился. – Я только с дороги, не успел стряхнуть с себя пыль и неимоверно устал.

– Прости за это, но осталось лишь три недели, а в голове неразбериха.

– Да я вроде на семь недель остаюсь.

– Я не про то, – нервно отмахнулся Вейлир. – Через три недели назначен *важный* Совет Пятерых.

Герцог не стал задавать вопросы и решил дожидаться, пока они не останутся без посторонних вокруг. Вскоре он нашел себя за резным, чересчур вычурным столом, на котором лежала бумага, запятнанная красными каплями. От одного взгляда на нее по телу пробежал холодок недоброго предчувствия. За спиной он слышал дрожащий, граничащий с лихорадкой голос брата, пересказывающего день, когда тот впервые увидел это письмо.

– Что мне делать? Отменять или нет? – король с мольбой спрашивал брата, когда тот повернулся к нему.

– Я не знаю, – прозвучал растерянный ответ.

– Брат, – позвал герцог, выражая голосом беспокойство. Нужные слова никак не лезли в голову, – я вижу, ты в смятении, в отчаянии. – Он подошел к королю и положил руку ему на плечо, чуть сжимая. – Как мне помочь тебе?

Не поднимая головы, Вейлир сказал, еле слышно:

– Скажи мне, как правильно поступить.

Герцог бесшумно придвинул к себе стул и сел рядом, с жалостью всматриваясь в брата. Некоторое время они молчали – мертвая тишина поглотила комнату, пока герцог не вздохнул и не нашелся с ответом:

– Никто не знает, что правильно. Есть два пути, и каждый ведет к разным последствиям.

– Какой мне выбрать?

– Выслушай мнения совета и исходя из этого выбери тот, который *ты* считаешь правильным.

Король выпрямился и устало прилег на спинку кресла.

– Тебе легко такие советы раздавать, – король с упреком взглянул на брата.

– Не позволяй им заглушить твой голос, – серьезно сказал герцог, а после улыбнулся и добавил: – Спасибо тебе, что родился раньше меня.

Вейлир горько усмехнулся, а после улыбнулся в ответ, светлея в лице. Но несмотря на улыбку, в мыслях его все еще бушевал ураган.

Срок в два месяца подошел к концу, но король так и не смог принять твердого решения — казалось, для этого не хватило бы и вечности. Первое июля неизбежно наступило, а значит, Совет Пятерых должен был состояться, как и было обещано.

Утро началось по естественному обыкновению, и через несколько часов король занимал место во главе стола в зале совета. Полчаса спустя он молча наблюдал, как леди Аттори, едва выслушав формальность, холодно произнесла «продолжить», следом за ней Лорд Хичиган также без колебаний проголосовал против отмены миссии «Великое Расселение». Лорд Талип,

наоборот, медленно поднял руку и четко заявил «отменить». Леди Витр же прямо призналась, что поддержит любое решение короля. Как и опасался Вейлир, он оказался в ситуации, когда его слово действительно имело власть, и эта власть ему претила.

Советники пристально, с удушающей заинтересованностью ждали слово короля. Эти взгляды давили на него, требовали ответа, но его не было. В памяти Вейлира всплывали «тревожные знаки» озвученные лордом Талипом, боевой настрой и уверенность лорда Хичигана, разумные слова о прогрессе леди Аттори, страхи, необычайная рьяность королевы и яркие, ледяные сны. Моменты, слова кружились в его мыслях, доставая головную боль. От напряженности Вейлир чувствовал горящее жжение в глазах.

«Трое против одного» – мелькнула мысль, и его грудь сдавило. Разум и сердце противоречили друг другу, и король отчаянно пытался угодить двоим, разрываясь между ними. – «Правильнее проголосовать против».

И с губ короля, словно по чужой воле, сорвалось роковое слово, которое определило судьбу *его* людей. В тот же миг Вейлира настигло величайшее облегчение, накрыло его пенящейся волной. И скверное утро показалось ему не таким уже и скверным.

На полу, окруженный деревянными и мягкими игрушками, сидел белокурый мальчик. Он был увлечен игрой и не замечал, с каким любовным и обеспокоенным взглядом за ним наблюдала королева-мать. Валисандра сидела на диванчике с вышивкой в руках, но за последнее полчаса она так и не сделала ни одного нового стежка. Ее светлые, почти белые волосы, свободно лежали на плечах, пока ее цепкий, внимательный взгляд был прикован к пятилетнему сыну.

В дверь тихо постучали тем самым, рассеяв запутанные мысли королевы.

– Войдите, – приказала она.

В комнату, поклонившись, вошла леди Аттори, взглянув на лицо которой королева сразу почувствовала холод, и тело ее покрылось дрожью от недоброго предчувствия. Леди Аттори никогда не отличалась приветливостью, но тень, что лежала на ее лице в этот раз, разбивала всякие надежды королевы на лучшее.

Леди Аттори встретила с королевой взглядом, её губы чуть приоткрылись, но прежде чем она успела произнести хоть слово, Валисандра резко вскинула руку, словно пытаясь остановить надвигающийся удар. Ее испуганный, полный мольбы возглас остановил леди Аттори:

– Нет, только не здесь, – Валисандра бросила красноречивый взгляд на ребенка. Мальчик вздрогнул от резких слов матери и обернулся к ней.

– Все в порядке, милый, – королева постаралась успокоить его и себя. – Мне нужно идти, но я позову няню, хорошо?

Мальчик кивнул, и королева с леди Аттори покинула комнату.

Они направились в личный, закрытый сад королевы, где надеялись поговорить без лишних ушей. Сад был окружен высокой, живой изгородью, и всем, кроме королевы и короля, запрещалось находиться там без их разрешения. Этот сад был гордостью Валисандры, и там она проводила немало своего времени, любуясь высокими деревьями, ходя босиком по мягкой траве и ухаживая за цветами.

Как только они очутились в центре сада, где росли могучие, крупнолиственные деревья, Валисандра дрожащим голосом обратилась к леди Аттори:

– Так что же?

– Миссия отменена.

Королева побледнела и дрогнула – казалось, она перестала чувствовать ноги и сердце. Ее надежды были растоптаны, и она знала, ее крохотный мир скоро погибнет. Леди Аттори усадила ее на скамью, а сама осталась стоять рядом.

– Он ведь обещал..., – королева прикрыла глаза руками, говоря шепотом. – Столько раз я с ним говорила, и каждый раз он обещал!

– У нас есть семь дней, перед тем, как приказ об отмене вступит в силу, – чопорно изрекла леди Аттори. – Вы знаете, что нужно сделать.

– Я не могу, не могу... – сквозь подкатывающие, неподвластные слезы прошептала Валисандра. – Не могу, не заставляй меня... прошу тебя...

Леди Аттори смотрела на вздрагивающие плечи женщины и чувствовала сожаление к ней, однако она понимала, что эмоции лишь помешают королеве сделать то, что та должна. Леди Аттори приняла решение, после чего вздохнула и сказала:

– Хорошо, это сделают другие, но держите себя пока в руках.

– Я буду, – кивнула королева, все также заливаясь слезами, и приказала: – Оставь меня одну.

Леди Аттори поклонилась, ее шелковые одежды бесшумно скользнули по траве – она молча и послушно выполнила приказ, впрочем, как и всегда.

Четвертая неделя пребывания в королевском дворце подходила к концу, но Грегу так и не удалось узнать больше о «Великом Расселении». Он надеялся подслушать разговоры прислуги – вдруг кто-то ненароком взболтнет лишнего – но те относились с осторожностью к новым людям и сразу умолкали, завидев Грега.

Успехов в изучении библиотеки тоже не было. Страницы пожелтевших фолиантов шуршали под пальцами Грега, но каждая новая книга приносила лишь разочарование – упоминаний загадочного слова «антибиотики» не было. Однако юноша не опускал руки и продолжал засиживаться в тихой, огромной библиотеке каждый свободный час. К счастью, официальная часть знакомства с королевской семьей прошла быстро и времени у Грега появилось предостаточно. Что касается герцога, тот проводил время с братом и всецело растворился в суете дворца, потому Грег был предоставлен сам себе, за исключением совместных приемов пищи по утрам.

Библиотека находилась на третьем этаже, в глубине восточного крыла. Эта часть дворца считалась гостевой, поэтому покои Грега и герцога располагались неподалеку, что не могло ни радовать юношу. Библиотека состояла из нескольких комнат, одна из которых служила зоной для чтения, где пахло старыми страницами, воском свечей и древесиной. Здесь Грег проводил большую часть времени, окруженный стопками книг, совершенно один.

Каково же было его удивление, когда двери, скрипнув, тихо отворились и в комнату вошел низкий мужчина с выпирающим животом. Он не заметил Грега, так как огромное кресло, на котором сидел юноша, стояло вполоборота к двери. Грег не стал выдавать своего присутствия, наоборот, он замер, затаив дыхание.

Шаги мужчины приближались. Юноша уже приготовился поприветствовать незнакомца, но тот прошел мимо, углубляясь в библиотеку. Грег тихо выдохнул – ему не хотелось заводить новые знакомства, особенно когда он так занят. Юноша продолжил читать, как до него донеслось приглушенное, раздраженно бормотание:

– Проклятые колени...

Через какое-то время послышались шаги, затем шорох, глухой хлопок – и возглас повторился:

– Бардак, сплошной бардак!

Причитания не утихали, смешиваясь с шорохами, и Грег, сам того не замечая, привык и перестал обращать на них внимание. Он опомнился лишь тогда, когда в библиотеку вернулась привычная тишина. Грег прислушался, силясь понять, один он в комнате или нет, как вдруг...

– Ты кто? – раздался грозный вопрос где-то сверху.

Грег дернулся, чуть не вскрикнув, и резко вскинул голову. Из-за спинки кресла выглядывало плотное лицо в очках. Карие глаза сузились и с подозрением сверли юношу.

– Почему ты сразу не сказал, что здесь?

Грег сглотнул, опустил голову и постарался говорить ровно:

– Я вас не заметил.

– Да уж, конечно, – недобро хмыкнул он уже сбоку, – Я же, как мышь, ни звука не издал!

Грегу нечего было на это ответить, потому он промолчал, однако мужчина не намеривался оставлять его в покое. Он тяжело опустился в кресло напротив и бросил несколько книг на низкий стол между ними.

– Звать тебя как?

– Грег, – ответил юноша, не поднимая глаз.

Мужчина усмехнулся и взял одну из принесенных им книг.

– Воспитанник брата короля, значит. Я тоже когда-то был воспитанником герцога.

Грег удивленно и с сомнением вскинул на мужчину взгляд. Тот отмахнулся и с раздражением пояснил:

– Не Фиделиса, конечно, а герцога Утава из приморских земель. Он помог мне человеком стать, – мужчина прочистил горло и продолжил, быстро перелистывая страницы. – Был я вторым сыном мелкого графа в загибающихся землях восточного герцогства, а стал... – мужчина выдержал паузу и гордо изрек, – королевским доктором. И все благодаря покойному герцогу Утава.

Грег молча кивнул, разглядывая мужчину с внезапным интересом, пока тот был занят изучением содержания книги. На вид ему было около пятидесяти лет – седые пряди волос проглядывались в темных волосах, мелкие морщинки и впадины залегали под глазами, а тело его казалось дряхлым, не смотря на упитанность и тучность. Чисто выбритое лицо доктора выражало раздражение, которое было направлено то ли на бесполезную книгу, то ли на весь белый свет. Мужчина облизнул верхнюю губу, громко недовольно хмыкнул и принялся за другую книгу.

«Королевский доктор не такое уже и плохое знакомство, – подумал Грег, украдкой наблюдая за мужчиной. – Он может что-то знать... Но спрашивать сразу нельзя – вряд ли он ответит, скорее просто отмахнется. Надо завести разговор».

Подумав немного, Грег задал самый простой и естественный вопрос:

– А что вы ищите?

– Старуха..., – начал доктор, но осекся, словив себя на оплошности. – Леди Витр жалуется на боль в коленях. Нужно найти рецепт мази, но в этом бардаке, – он отбросил очередную книгу и скривился, – ничего не отыскать! Одна пыль!

– Я могу вам помочь в поиске подходящие книги.

– Ты? – доктор с сомнением осмотрел длинную и худую фигуру Грега. – Если только книги с верхних полок подавать. Тут знания нужны, чтобы понять, какие книги могут пригодиться.

– Я немного увлекаюсь медициной, – Грег бросил взгляд на принесенные им стопки книг вокруг.

Мужчина поднял брови, осматриваясь, как будто впервые замечая их.

– Так это ты навел на полках беспорядок, – усмехнулся доктор.

Грег на секунды стушевался – он действительно был слегка неряшлив, когда был сосредоточен на погоне за знаниями, но признаваться в этом не хотелось. Однако мужчине хватило этой заминки, чтобы принять решение.

– Ладно, помогай, – согласился доктор довольный тем, что быстрее управится с поисками.

Поиски продолжились недолго. Грег быстро отыскал пару подходящих книг с рецептами мазей, и показал их доктору, который отдыхал на прежнем месте, рассматривая пейзаж за окном.

– Как насчет этого рецепта на основе горчицы. Она имеет согревающий эффект...

– Нет-нет, только не горчица, – отмахнулся доктор. – От нее леди Витр покрывается пятнами и становится похожа на жабу.

Грегу показалось, что мужчина прошептал «еще больше», но юноша не стал переспрашивать, а принялся искать другой рецепт. Через полчаса Грег все-таки нашел рецепт, который одобрил доктор, и был доволен, что смог угодить такому прихотливому человеку.

Доктор, не поблагодарив Грега, поднялся с кресла, к которому так прикипел, и с книгой под мышкой быстрее направился вон из библиотеки. Грег поспешил его остановить, пока тот окончательно не скрылся:

– Вы не могли бы мне помочь?

Мужчина остановился и повернулся к нему, глубоко вздыхая:

– Послушай, я понимаю, ты мне помог, и я должен помочь тебе в ответ, но нет, – он пристально посмотрел на Грега, качая головой и морщась, – не должен. Я тебя о помощи не просил, да и спешу я.

– Один вопрос, – поспешил заверить его Грег. – Ни один врач не смог мне дать на него ответ. Одна надежда на вас, *королевского доктора*, – Грег с восторгом произнес последние слова, и довольно заметил, как лицо мужчины сглаживается и добреет. – Если кто сможет мне помочь, то только вы.

– Ладно, задержусь на минуту, – в своей обычной, раздраженной манере ответил доктор, но Грег видел, как ему льстили его слова.

«Очевидная лесть... Но как работает», – удивленно подумал юноша.

– Вы знаете что такое «антибиотики»?

– Нет, – буркнул доктор, явно разочарованный тем, что ему это неизвестно.

Грега тоже постигло разочарование, камнем ударило по голове, и он знал, что оно отразилось на его лице. Внезапная надежда, что доктор прольет свет на мучающий его секрет, быстро развеялась и оставила после себя пустоту. Грег больше не видел смысла задерживать доктора, поэтому, скомкано попрощавшись, он тяжело вздохнул и направился к креслу.

Доктор недовольно покачал головой и уже взялся за ручку двери, как вдруг замер.

– Постой, – он повернулся и задумчиво окликнул Грега, – я не знаю, что это, но... хм, я слышал это слово раньше... кажется... я почти уверен в этом!

Грег взволновано обернулся. Неужели сейчас он узнает ответ? Его сердце забилось чаще, и он почувствовал слабость в ногах. Но стоило ему обернуться и взглянуть на лицо мужчины, Грег понял, что этого не произойдет.

Доктор нахмурил брови и с подозрением, осторожность смотрел на Грега, плотно сжимая книгу под мышкой. Напряженность его тела, серьезность взгляда и резкая смена поведения были очевидны для юноши.

«Он вспомнил. Но не скажет. Это что-то важное? Наверняка, сейчас он спросит...» – пролетело в мыслях Грега за секунду.

– Откуда тебе известно это слово? – голос звучал напряженно, от былой беспечности ни осталось и следа.

– Прочел в одной из книг в поместье герцога, – ровно прозвучал заготовленный ответ.

Доктор какое-то время хранил молчание и внимательно изучал Грега. Юноша же, удивленно вскинув брови, невинно уставился на мужчину в ответ, словно спрашивая: «В чем дело?». Не смотря на внешнее спокойствие, Грег был в предвкушении.

«Скажи же...» – мысленно умолял он, но мужчина упорно хранил секрет, колко смотря на юношу и что-то явно обдумывая.

Все нутро Грегa дрожало от догадки, что доктор что-то скрывает, и потому юноша старался уловить каждое его движение, каждый оттенок взгляда.

Не найдя признаков лжи в ответе Грегa, доктор расслабил плечи и, смотря юноше в глаза, напоследок серьезно сказал: – Меньше доставай уважаемых людей расспросами. Мало-ват еще... людей лечить.

Хлопнула дверь, а Грег остался один, замерев на месте. Он вновь окунулся в поток будоражающих мыслей и догадок, которые роились, создавали какофонию в голове, и умиротворенная тишина библиотеки больше не приносила покоя.

Оставшиеся до отъезда в академию дни Грег все так же провел в библиотеке. Он убедил себя, что необходимо продолжать поиски, однако его мысли неизменно возвращались к странному поведению доктора, и работа продвигалась медленно. Юноша надеялся вновь встретить мужчину, потому почти ночевал в тихой комнате, заставленной стеллажами до самого потолка.

В день отъезда Грег не удивился, когда проснулся на знакомом маленьком диванчике в библиотеке. Его ноги затекли, спина ныла. Юноша взглянул в окно, и неожиданный дневной свет ослепил его.

«Солнце высоко, – подумал Грег, жмурясь. – Почему меня никто не хватился *до сих пор?*»

Недолго думая, юноша вышел из библиотеки и направился в свои покои, чтобы умыться и переодеться. Коридоры встретили его осязаемой пустотой. Ни спешащих горничных, ни гомона придворных дам – только звенящая тишина, которая сдавливала виски юноши, заставляла нервничать. Это напомнило ему давние дни, когда он одинокий, забытый скитался по коридорам поместья Грейнов. Сердце неприятно кольнуло.

«Может я пропустил какое-то празднество, и все сейчас во дворе?» – предположил Грег, слабо веря в собственные мысли.

Каждый его шаг отдавался четким стуком, который тревожно разносился по покинутому коридору, и от этого по телу Грегa побежали мурашки. Он нахмурился, пытаясь отогнать звенящее, жуткое наваждение – ему казалось, что стены бесконечны, а тени прячутся по углам. Войдя в свою комнату, Грег почти захлопнул дверь, словно отгораживаясь от пустоты. Сердце кольнуло во второй раз, и это стало последней каплей его терпения.

«Какое ребячество... – внезапно разозлился юноша сам на себя. – Надо успокоиться и не выдумывать».

Теплая вода и чистая одежда освежили Грегa, отогнав навязчивые мысли, и он почувствовал резкий, сильный голод. Перед тем как направиться в обеденную залу, он с надеждой выглянул в окно, но затем разочарованно выдохнул – там не было ни души.

До залы Грег также добрался в одиночестве. Лишь картины и портреты на стенах сопровождали его, но такая компания его не радовала. В зале было пусто. Еда стояла на столе нетронутая, что было странно, ведь герцог должен был уже позавтракать. Тихо опустившись на один из стульев, Грег зачарованно уставился на еду. Он пытался размышлять, но мысли не шли в голову, а живот в который раз настойчиво заурчал.

«Сначала поем, потом поищу герцога, – подумал юноша, накладывая в тарелку кашу. – Это всего лишь тишина. Ты же ее так *любишь*».

Закончив с завтраком, Грег направился в центральную часть дворца – к бальному залу, но стоило ему спуститься по витиеватой, длинной лестнице и оказаться на втором этаже, как он услышал тихий, отдаленный шум. Налево вел очередной безликий коридор, а справа возвышались массивные двери, ведущие в королевское крыло, оттуда и доносился гул.

Тяжелые двери приоткрылись, и оттуда вышла девушка в белом чепчике. Девушка шагала осторожно, боялась разлить содержимое ведра. На секунду Грег с облегчением прикрыл глаза, а затем, почти бегом, подошел к ней. Оказавшись ближе, Грег взглянул на воду – мутная, розоватая... Грег замер. В груди зародилось беспокойство – слишком знакомый цвет. Девушка дер-

нулась от неожиданного появления Грега, но затем учтиво наклонила голову и поприветствовала.

– Где все? Почему никого нет? – с нетерпением спросил Грег, не заметив ее удивления.

– Прислуге и придворной знати было велено не выходить из своих комнат, – тихо ответила та.

– Почему? – потребовал ответа Грег.

Девушка промолчала и опустила глаза в пол. Она выглядела растерянной, словно не знала, можно ли ей говорить. Юноша быстро догадался о причине ее колебаний, и сдержанно, но требовательно произнес:

– Я почти сын герцога Фиделиса – тебе разрешено мне говорить.

Девушка подняла на него неуверенный взгляд. Встретившись с его выразительными, настойчивыми глазами, она прерывисто, едва слышно прошептала:

– Я не уверена, но, думаю, ... Его Величество при смерти.

Глава 7 - 330-485

Шел последний, четвертый год обучения Грегa в медицинской академии при королеве. Он с головой ушел в учебу, и все мысли о гримуаре и загадочном слове отступили на задворки сознания. По той же причине Грег не стремился заводить новых друзей, а редкие попытки сблизиться с кем-то в начале обучения неизменно терпели крах. Он с тоской вспоминал Ялию, но случалось это нечасто: девушка каждую неделю отправляла ему письма с подробными рассказами о жизни в поместье герцога и своих буднях.

В конце августа Грег получил от нее письмо с теплыми поздравлениями с днем рождения. Вспоминая письмо, юноша улыбался про себя все утро, пока вновь не погрузился в привычный круговорот бесчисленных книг, запахов лечебных трав и спящих учеников. После позднего обеда Грег сумел выкроить час свободного времени, чтобы перевести дух. Как и большинство учеников, он жил в кампусе при академии. К его счастью или неудаче, будучи воспитанником герцога Фиделиса, он занимал отдельную комнату. В первые дни Грег ощущал стойкое одиночество, наблюдая, как другие ученики объединялись в группы по комнатам. Однако вскоре это перестало его беспокоить — он просто перестал замечать одиночество.

Зайдя в скромно обставленную комнату, юноша бросил сумку с учебниками на стол и, не раздумывая, упал на кровать. Он закрыл глаза и попытался расслабить напряженное тело. В комнате было душно – палящее солнце, заглядывающее в окно, успело нагреть воздух до предела. Недовольно втянув плотный воздух через нос, Грег рывком поднялся и, как только он открыл окно нараспашку, в комнату ворвался легкий ветерок, смахнув со стола несколько бумаг. Раздосадованный этой небольшой шалостью Грег собрал листы, положил их обратно и, уже готовясь вернуться на кровать, заметил небольшую шкатулку в дальнем углу стола. Рядом лежало письмо с гербом Грейнов – гнувшимся от ветра ржаным колосом под солнцем.

Грег замер – он совершенно забыл о подарке от родителей, доставленном ему пару дней назад. Юноша сел на стул и потянулся к письму, которое собирался перечитать еще раз:

«Здравствуй, сын!

Мы, твои любящие родители, поздравляем тебя с восемнадцатилетием! Мы гордимся твоими успехами в учебе и, искренне надеемся, что ты вернешься домой после выпуска. Я, как твой отец, не оставляю надежду, что ты станешь моим наследником и не возродишь «проклятье Грейнов».

Десять лет назад, после того как я отправил тебя к герцогу Фиделису, ты спрашивал меня, почему его мальчишки дразнят, мол, ты от крови простолюдина. Тогда я не хотел обременять тебя этим и сказал, что это лишь выдумки. Но на самом деле это полуправда, которую мало кто уже помнит.

Твой дед – Рик Грейн – был незаконнорожденным сыном графа Марана Грейна. Свое детство и юность он провел в семье простолюдина, а после действительно был пастухом овец. Когда Рик был в возрасте тридцати двух лет, его отыскал граф Грейн и объявил своим наследником – граф слабел на глазах. Умирая, Маран Грейн прошептал, что все эти годы пытался породить другого наследника, но в молодости, на спор, забрел в пограничный лес и был там проклят. Трудности с наследованием рода он назвал «проклятьем Грейнов». Конечно, это лишь бред умирающего, больного человека, но я не хочу, чтобы люди начали шептаться и вспоминать об этом. Потому прошу тебя прислушаться к моему желанию и исполнить свой долг.

В шкатулке ты найдешь подарок от нас – один из двух кинжалов, являющийся семейной реликвией. На свое восемнадцатилетие Джордж получил такой же кинжал. Надеюсь, глядя на него, ты будешь вспоминать, где твой дом.

Граф и графиня Грейн».

Грег отложил письмо в сторону, откинулся на спинку кресла, опустил руки по бокам и устался на шкатулку из красного дерева. Дуновение ветра играло с выбившими прядями из расслабленного пучка на затылке, даря легкую, ласковую прохладу. Юноша не имел четкого представления о будущем после выпуска. Он не собирался вести врачебную практику или становиться наследником, тем более лишь из-за предсмертного бреда прадеда. Ему хотелось изучать травы, вещества, изобретать лекарства – привнести свой вклад в медицинский прогресс. Если он примет предложение отца, то погрязнет в заботах о графстве. Но возможно...

«Может, мне удастся найти толкового управляющего... и переложить на него большую часть обязанностей? – мысли медленно тянулись в голове Грега. – Тогда у меня будет время на то, что я люблю...?».

Грег смотрел на шкатулку еще несколько минут, наблюдая, как древесина сияет ярко-красным на солнце.

«Из красного дерева. Такие растут только в пограничном лесу, – мысленно подметил он. – Значит, отец не соврал и вещь действительно старинная – валить тот лес давно запрещено».

Грег подтянул шкатулку ближе, а затем, немного помедлив, открыл ее, подвинув защелку. Внутри, на белом шелке, лежал кинжал размером с его ладонь. Небольшой серебряный наколечник в форме колоса ржи украшал рукоять, выполненную из той же древесины, что и сама шкатулка. Лезвие было тонким и прямым, вдоль которого едва заметно выделялась гравировка «Грейн».

«Помнить, где мой дом, прервать выдуманное проклятье, – задумался юноша. – Что плохого в том, чтобы быть наследником графа?»

«Ничего, – внезапно всплыли в памяти слова, когда-то сказанные братом. – Просто я хочу другую роль, эта мне не подходит...»

Джордж следовал своему желанию, не думая о тех, кого оставляет позади, – и просто умер! Охваченный горькой, старой обидой, Грег с силой захлопнул шкатулку. Из окна донесся гулкий бой часов, ознаменовавший первую четверть часа. Юноша вернулся на кровать и принял вторую попытку отдохнуть. Как и в первый раз, он закрыл глаза, но перед внутренним взором тут же возник образ брата. Грег почувствовал, как в груди разгорается злость. Он вспомнил его удаляющуюся спину на лошади и неисполненные обещания. Дыхания юноши сбилось, кровь бурлила от негодования, несправедливости, обиды... и жалости к самому себе. Ему вспомнились бесчисленные дни в одиночестве, заполненные неутихающей, ноющей скорбью. Маленький мальчик, окруженный брошенными, как и он сам, книгами. Бесконечные, одинаковые страницы, в которых скрывались крупинцы памяти о Джордже. Грег нашел каждую из них – каждую небрежно оставленную запись на полях, каждый выведенный от задумчивости рисунок.

Он закрыл глаза рукой – по щекам покатились молчаливые слезы. Не было ни всхлипов, ни рыданий, лицо оставалось расслабленным. Ни единого звука, ни один мускул не дрогнул. Лишь тихая, беззвучная скорбь, пробудившаяся после десяти лет спячки. Грег вспомнил родителей. Теперь он понимал: они тоже оплакивали Джорджа, каждый по-своему. Если бы только они могли держаться вместе, могли бы разделить эту скорбь... От внезапности этой мысли воздух стал душить его. Часы пробили во второй раз.

Грег шумно втянул воздух через рот, и тихий всхлип вырвался из его горла. Он замер, не ожидая такого предательства от своего тела, но через пару секунду всхлип повторился. А затем еще и еще. Голова разболелась, но мрачные воспоминаия, одно за другим, топили его в нахлынувших чувствах десятки раз. Грег, не открывая глаз, оплакал прошлое – себя, свою семью. Он хоронил Джорджа в своей голове, стирая травмирующие воспоминаия о нем и оставляя лишь хорошие.

Плач резко прекратился. Грег убрал руку с глаз, и та безжизненно упала на кровать. С минуту юноша лежал неподвижно, глубоко дыша. Он прислушивался к своему телу – голова

все еще болела, глаза щипало, но... Теплое солнце грело пятки, ветер приятно охлаждал мокрые щеки, он вдыхал сладкий запах лета, а далекий переклик птиц играл музыкой для его ушей. Юноша открыл усталые глаза – и тут же зажмурился от ослепляющего блеска. Когда зрение привыкло к свету, он увидел, что его ослепило — шкатулка. Она всё ещё была открыта, и кинжал, лежащий внутри, отражал солнечные лучи, словно подмигивая ему.

«Пружинный механизм, – усмехнулся он. – Упрямая коробка».

Грег поднялся, намереваясь закрыть её, но вместо этого неосознанно потянулся к кинжалу. Лезвие переливалось на солнце, и рукоять величественно горела красным. Грег стал пускать по комнате солнечных зайчиков, замороженно наблюдая за скачущими бликам. В памяти всплыли счастливые моменты из прошлого. Прежние мать и отец. Он снова, хоть на секунду, почувствовал себя любимым ребенком – и заскучал по *дому*. Еле уловимое тепло начало разливаться по его душе, и он поддался тому ощущению с закрытыми глазами.

«Может, идея с толковым управляющим имеет право на жизнь?» – с надеждой отозвалось в сознании Грега.

Часы пробили в третий раз. У него осталось пятнадцать минут, чтобы подготовиться к встрече с директором академии.

Грег захлопнул дверь своей комнаты и повернул ключ в замке. Вокруг было тихо – занятия ещё не закончились, и кампус был почти пуст. Он вышел на улицу и направился к главному зданию академии, что находилось через дорогу.

Шум центральной улицы неприятно бил по ушам: цокот копыт, стук колес по брусчатке, звон колокольчиков экипажей, взрывной хохот проходящих мимо дам, зазывающие крики торговцев. Прижимая к груди плоский кожаный портфель, Грег пробирался через людской поток, стараясь не упускать из виду резные, широкие двери академии. Но суeta улицы, беспорядочное движение, чужие плечи и локти вынуждали его смотреть под ноги, чтобы не оказаться сбитым толпой или попасть под копыта лошадей. Наконец он вырвался из цепкой хватки людской суматохи и, распрямив плечи, вошел в академию – как раз в момент, когда часы пробили в четвертый раз.

«Уже два. Опоздал, – с раздражением подумал Грег, быстрым шагом направляясь к кабинету директора. – Зачем я только расклеился? Позволил себе эту жалкую драму...».

Он влетел по главной лестнице и свернул направо. Коридоры почти опустели – лишь изредка встречались такие, как и он, опаздывающие ученики. Юноша прошел мимо лабораторных комнат, затем свернул еще раз и почти налетел на директора.

– Мистер Грейн, – почти пропел тот, преграждая ему путь. — Ни ко мне ли вы спешите? Не дожидаясь ответа, директор кивнул:

– Разумеется, ко мне.

Он покачал головой, а затем развернул своё тучное тело, жестом приглашая Грега следовать за ним.

– Очень неразумно опаздывать, даже на пару минут. Раньше за вами я такого не замечал.

– Прошу меня извинить. Впредь, я буду приходить вовремя, – чопорно ответил юноша.

– Верю-верю, – охотно отозвался директор. Он остановился у одной из дверей учебного кабинета, постучал и толкнул её. — Что ж, прошу вас.

В просторном кабинете с высокими потолками и огромными окнами, из которых потоки света освещали каждый угол, находилось трое: два ученика, расположившихся на первом ряду скамей с небольшими столиками, и низкий, упитанный мужчина с почти полностью седыми волосами, стоящий на возвышении. Стоило двери распахнуться, как его острый, сердитый взгляд метнулся на Грега, затем скользнул за его спину.

– Опоздавший?

– Да, но один из лучших выпускников в этом году, – извиняющимся тоном ответил директор. – Дайте мистеру Грейну шанс.

Мужчина недовольно вздохнул и, переведя взгляд на других учеников, пробурчал:

– Пусть садится.

Грег уверенно занял место чуть поодаль от присутствующих, но также в первом ряду. Директор удалился, а юноша перевел взгляд на знакомую фигуру у доски. Он узнал его сразу – королевский доктор.

«Интересно, помнит ли он меня?» – мелькнула мысли. Затем: – «Он заметно постарел».

Тем временем мужчина у доски медленно, лениво произнес:

– Для опоздавших представляюсь еще раз, – он не удостоил Грега и взглядом. – Мое имя Карл Утипан, я занимаю должность королевского доктора.

Он сложил руки за спиной, чуть сгорбившись, откашлялся и продолжил своим хриплым голосом:

– Как бы не хотелось это признавать, но годы берут свое, и я вынужден задуматься о преемнике. Директор уверял меня, что вы – лучшие ученики, достойные моего времени, – он лениво обвел взглядом собравшихся, не задерживаясь ни на ком. – Я же, в свою очередь, уверил его, что вашу *полезность* еще нужно доказать.

Он помолчал, затем добавил:

– Каждый из вас примерит на себя роль моего помощника в течение следующего месяца. По недели каждый.

Карл Утипан заметил поднятую руку одного из учеников, тяжело вздохнул и раздраженно пробурчал:

– Вопрос уже появился? А я даже не закончил говорить... Ну, задавай.

Ученик не растерялся и громко спросил:

– Мы должны покинуть академию на месяц? Как же занятия?

Доктор скривил губы в презрительной усмешке:

– Дослушал бы до конца – не возникло бы глупых вопросов, – Карл Утипан снял очки, потер уставшие глаза и снова надел их. – Какой же ты будущий врач, если делаешь поспешные выводы, не узнав всю информацию? – он покачал головой и вперился в затихшего ученика насмешливым взглядом – А? Что молчишь? То-то же... Не люблю суетливых и *опаздывающих*.

Он задержал взгляд на Грее всего на пару секунд, затем продолжил:

– В академии у меня есть дела, с которыми вы мне и поможете. По итогу, я выберу одного из вас, и если он согласится, то в начале марта, после выпуска, мы отправимся во дворец, где он будут перенимать мой опыт, – он сделал паузу и сказал: – *Теперь* можете задавать вопросы.

– Кто будет первым? И когда именно начнется проверка нашей *полезности*? – спокойно спросил Грег, глядя куда-то за спину доктора.

– Пожалуй, вы, мистер Грейн, и будете первым. Что касается конкретных дат...

Доктор оглядел собравшихся и сказал:

– До конца дня пусть каждый предоставит свое расписание, чтобы составить график. А вас, Грейн, я жду в моем кабинете завтра в десять утра. Еще вопросы? Нет? Тогда все свободны.

Грег кивнул больше самому себе, вставая со скамьи.

«Значит, завтра я пропускаю лекцию по анатомии», – констатировать он.

«И, помня прошлую встречу с доктором, похоже составление графика он поручит мне. Уверен, он не собирается тратить свой вечер на это».

Как Грег и предполагал, утром в среду ему поручили первое задание для определения его полезности – составить график для каждого потенциального преемника, учитывая их расписание и свободное часы доктора. Встречи должны были проходить ежедневно, по одному часу. С графиками учеников он справился быстро, но собственное расписание оказалось проблемой — из-за множества дополнительных лекций приходилось переносить занятия или вовсе отказываться от них. Когда с графиком было покончено, доктор поручил приготовить несколько

лечебных настоек, затем сопроводить его на встречу с учеными, где Грег вел записи по обсуждаемым темам. После этого последовала череда мелких поручений, с которыми юноша справился точно и молча.

И вот, последний, пятый день, наконец подходил к концу. Грег был измотан: выполнение поручений доктора в сочетании с поддержанием высокой успеваемости отнимало все силы. Потому он вздохнул с облегчением, когда последним заданием оказалось составление двухнедельного постного меню для леди Витр и ее супруга, – у него уже были заготовки, которые можно было удачно использовать.

В кабинете доктора было тихо – только скрежет перьев о бумагу прерывал тишину. Грег сидел за отдельном столом и старательно работал над меню, когда доктор отложил перо и молча, задумчиво уставился на Грега. Юноша заметил это боковым зрением, но не поднял глаз.

Спустя несколько минут вкрадчиво и с ноткой любопытства раздался вопрос:

– Чтобы ты сделал при обмороке?

Грег нахмурился, не отрывая глаз от записей, и через секунду дал четкий и уверенный ответ:

– Привести человека в чувство можно с помощью сильного запаха, например, нашатырного спирта. Если его нет под рукой, можно облить пострадавшего холодной водой, протереть лицо влажным платком или попытаться восстановить кровообращение, растирая виски, запястья и грудь. После пробуждения важно напоить больного подслащённой водой.

Доктор, не давая ему времени на размышления, тут же задал следующий вопрос:

– Как ты лечил бы лихорадку?

Грег отложил перо и внимательно посмотрел на собеседника:

– Необходимо снять жар. Для этого подойдёт отвар из коры хинного дерева. Чтобы охладить тело, можно использовать ледяные компрессы на лоб, протираания спиртом или холодной водой, а также обеспечить обильное питьё. Для усиления потоотделения можно дать горячее молоко с мёдом или отвары из шалфея и ромашки.

Доктор медленно кивнул.

– А что ты будешь делать при потере зрения?

Грег задумался.

– Хм, можно попробовать капли на основе настоев ромашки, очанки и шиповника, — он слегка покачал головой. — Но лучше всего не допускать ухудшения зрения. Для этого в рацион должны присутствовать морковь, печень, рыбий жир. А от жирной пищи стоит отказаться.

Доктор прищурился и чуть откинулся назад, продолжая изучающе смотреть на Грега. Юноша молча ждал, пытаясь разгадать его мысли. Прошла минута, прежде чем мужчина заговорил снова:

– А что будешь делать, если все это произойдет одновременно?

Голос доктора звучал холодно, почти угрожающе. Грег невольно плотнее сжал перо. Отблески свечей метались по лицу мужчины, играя тенями, и на мгновение оно превратилось в жуткую маску.

– При сильном жаре может наблюдаться размытое зрение...

— Нет-нет, — резко перебил доктор, впиваясь в него взглядом. — Полная потеря. Чернота. Вот человек сидел, видел, читал... а через минуту чувствует слабость, которая сбивает с ног.

Он резко замолчал, опустил взгляд на стол, словно погружаясь в мысли. Затем, тихо, но отчётливо, продолжил:

– Нож для писем выпадает из его рук. Человек падает и ударяется об дубовую ножку тахты. На его крик сбегаются слуги...

Грег почувствовал бегающие, колкие мурашки по телу. Он понял – это была не просто гипотетическая ситуация. Это *воспоминание*.

– Человек ощущает жар, который безжалостно сжигает его изнутри. Его тело почти горит. Нет, отвары не помогают... – доктор покачала головой. – Холодная вода становится теплой, стоит ей коснуться тела.

Доктор посмотрел на Грегa. В его взгляде мелькнуло нечто тяжёлое, болезненное. Затем он тихо произнёс:

– Зрение, действительно, сначала мутнеет. А через полчаса – непроглядная тьма.

Грег напрягся. От мужчины исходило ощущение подавленности и бессилия. Пустой взгляд, поникшие плечи, кривая, вымученная усмешка на губах.

– Потом он опустил веки, и через несколько дней его пульс пропал.

Доктор развел руками:

– А я стоял как дурак, не в силах объяснить причину его смерти.

Грег осторожно предположил:

– Это мог быть яд?

– Увы, нет, – доктор покачал головой. — Я изучил тело. Бесчисленное количество раз.

Он загибал пальцы, перечисляя:

— Синяки от падения — на колене и бедре. Тупая рана на голове от того же. Пара царапин на руке. Порез от ножа для писем на пальце. При вскрытии цвет печени и желудка были в норме. Никаких разрывов, повреждений, опухолей, язв.

Грег задумался, затем неуверенно спросил:

– Это правда, что король накануне перенес сильную лихорадку? Корона объявила, что именно ее последствия не позволили организму справиться с очередной простудой.

Он тут же засомневался в уместности своего вопроса, но было уже поздно.

– Что, сомневаешься в словах короны?

В его глазах на мгновение вспыхнул опасный блеск. Казалось, что перед Грегом снова стоит тот самоуверенный, развязный врач, каким он был прежде. Но спустя секунду доктор потух, и голос его снова стал спокойным, но глухим:

– Правда. Возможно, из-за ослабшего организма он и не смог перебороть *ту гадость*.

Грег кивнул, мысленно перебирая все, что услышал от доктора. Он пристально и с недоверием вглядывался в его, пытаясь понять его замысел, но так и не нашел точного ответа. В итоге решил спросить напрямую:

– Разве эта информация не секретна?

Доктор усмехнулся, кладя руку на стол:

– Конечно, секретна, мальчишка.

– Зачем же вы рассказали мне – простому ученику?

К доктору в одно мгновение вернулась его привычная нахальная манера. С напускным презрением он ответил:

– Я уже говорил – я ищу преемника.

Он приподнял бровь и сжал губы, выражая несогласие:

– Как считает *королева*, я стар и мне нужна замена, раз я не смог спасти ее супруга.

Грег не отводил глаз, вопросительно впиваясь в доктора взглядом, вынуждая продолжить.

Тот раздражённо вздохнул:

– Я выбрал тебя. Я уже знаю тебя, и ты *кажешься* толковым, да и мне не придётся тратить силы на других.

Он пристально посмотрел на Грегa и медленно добавил:

— Поэтому, если ты согласен...

Грег замер.

Стоит ли отказаться от титула отца, чтобы стать преемником королевского доктора? Прожить жизнь в стенах поместья, посвящая лишь крохи сил ускользающей мечте, но оправдать

ожидания отца. Или броситься в манящую неизвестность, наполненную тяжелыми опытом, но новыми ценными знаниями?

Какой же пусть верный?

«Долг или мечта? – лихорадочно подумал Грег. – Джордж выбрал мечту. И вот к чему это привело...».

Грег мысленно подбросил монетку. Она вращалась в его запутанных чувствах и желаниях, колебалась между судьбами, отсчитывая секунды и повторяя:

Родители или медицина.

Долг или мечта.

Граф или доктор.

«Но я не Джордж. Я не должен повторять его путь, – пронесло в мыслях, и монета упала. – Согласен.

Грег ни разу не пожалел, что стал преемником королевского доктора. К концу марта он уже многому научился у наставника, но впереди его ждало еще больше, от чего Грег был полон энтузиазма и решимости. В один из дней доктор показал ему огромное хранилище, полностью забитое лечебными ингредиентами и медицинскими препаратами. Здесь Грег мог брать все необходимое для приготовления лекарств как по приказу наставника, так и в рамках собственного обучения. Глаза юноши вспыхнули огнем любопытства, а по пальцам пробежало покалывающее предвкушение.

Вопреки своему суровому и отталкивающему виду, Карл Утипан был талантливым наставником. Он точно знал, на чем Грегу следовало сосредоточиться, какие навыки отточить до идеала, а чем можно было и пренебречь. Он давал полные и исчерпывающие ответы, задерживался допоздна, чтобы передать Грегу свои уникальные наработки по приготовлению лекарств, старательно разъяснял особенности организма каждого члена королевской семьи и взрывался от негодования, стоило Грегу хоть раз попросить повторить объяснение.

Но наставничество не ограничивалось врачебным делом. Карл обучал Грега тому, как держаться на официальных приемах, вести документы и хронологии, заполнять истории болезней и справляться с прочими обязанностями королевского врача.

Засиживаясь допоздна, он часто ворчал:

— Королевская семья – это твоя главная обязанность. Каждый синяк, каждая ссадина, каждый седой или новый волос, каждый чих, каждый вздох. И каждый кусок пищи, что они кладут в свои ненасытные, королевские рты.

А затем, бросая пронзительный и тяжелый взгляд на Грега, он серьезно добавлял:

— Запомни, увы, но ты — их нянька.

Несмотря на это, Карл безупречно справлялся со своей работой. Но Грег видел, как насыщенные, шумные дни забирают у него много сил. Карл никогда не признавал усталость, но она просачивалась в его движениях, таилась в тяжёлых вздохах и глубоких морщинах, особенно заметных к концу дня.

Жизнь шла размеренно и захватывающе, напоминая Грегу сладостные дни, проведённые в поместье герцога Фиделиса. Пока однажды он не сделал открытие, которое повисло над ним, словно кровавый топор. Топор, готовый обрушиться на его склонённую, ещё не ведающую голову.

Это началось в день, когда доктор привел Грега в маленькую комнату, освещаемую лишь светом одинокого окна. Стоило двери распахнуться, как копившаяся годами пыль поднялась в воздух, защекодав юношу в носу. Он прикрыл нос рукой, пытаясь справиться с раздражением в горле и спертым воздухом. Грег бросил взгляд на доктора, но тот, казалось, не заметил хоровод пылинок, вьющийся вокруг него.

– Мда, – цокнул языком Карл. – Я не ожидал, что кабинет моего предшественника настолько заброшен.

Переступая через горы коробок и стопки книг, теснясь между заваленным шкафом и столом, доктор кое-как пробрался к окну. После пары неудачных попыток он распахнул створки, впуская поток свежего, весеннего воздуха. Скривившись от брезгливости и отряхивая ладони друг о друга, он повернулся к Грегу и кисло усмехнулся:

– Ну что, нравится тебе твой кабинет?

Грег оглядел комнату. Она была крошечной, а завалы старых вещей забирали большую часть свободного пространства, но, несмотря на это, он был доволен. Теперь ему не придется скитаться по дворцу в поисках уединенного, тихого места для работы.

– Пойдет, – кивнул Грег. – Но раз это кабинет прошлого королевского доктора, почему он такой маленький?

Пробираясь обратно к дверям, Карл пожимал плечами и беспечно бросил:

– Старик терпеть не мог большие помещения. Говорил, что в них он теряется.

Наконец, оказавшись рядом с Грегом, он хмуро посмотрел на следы, оставленные на пыльном полу, и недовольно произнес:

– Придется тебе сперва тут убратся.

Грег удивленно вскинул брови, возражая:

– Почему мне? Почему не позвать прислугу?

Карл вздохнул, раздраженный тем, что юноша потребовал объяснений:

– Потому что здесь..., – он нетерпеливо качнул головой в сторону комнаты, – могут быть ценные бумаги. И да... слуги, как правило, не умеют читать. Но они могут передать бумаги тому, кто умеет... и даже в них заинтересован.

Карл пронзительно вглядывался в лицо Грега:

– Не вчитывайся. Просто отсортируй: ценное в одну стопку, мусор – в другую.

– Я понял, – спокойно отвел Грег.

Доктор уже собирался уходить, но на пороге задержался. Он обернулся и предупредил, хмуря брови и качая головой:

– Не подводи меня.

Каждый день Грег старался уделять хотя бы час наведению порядка в кабинете. Иногда это происходило утром или после обеда, но чаще всего поздними вечерами. Измотавшись за день, юноша даже не пытался вчитываться в бесконечный поток бумаг, мелькающий перед его глазами. Он разбирал содержимое коробок машинально: отчетность по годам в одну стопку, исследования – в другую, черновики, давние письма – в мусор. Засиживаясь до глубокой ночи, Грег не осознавал в полной мере, что именно держал в руках, пока однажды, закончив разбор очередной коробки, он не приступил к новой.

Широко зевнув, юноша достал несколько сложенных, дряхлых листов. Лениво развернул один из них, пробежал по первым строкам сонными глазами... И замер. Он уставился на текст, не моргая, а затем резко зажмурился, сжимая лист дрожащими пальцами, будто тот мог исчезнуть. Уставший, горячий мозг внезапно проснулся — словно его топили в ледяной воде. Осознание колючей, дрожащей рукой ползло по спине, медленно подбираясь к затылку. Оно вцепилось в волосы и резко дернуло вниз, вырывая остатки сонливости. Грег распахнул глаза.

Забывая дышать, юноша лихорадочно пробежался по каждой фразе, но не смог разобрать половину написанного – слова плясали и путались. Из-за усталости и волнения, ему пришлось перечитать текст несколько раз, но главное было очевидно:

«Это послание отряда из-за леса», – мысль сформировалась отчетливо, живо.

Непослушными руками Грег развернул остальные бумаги.

«Послание от мая 376 года... от июня 421 года... августа 421 года», – он судорожно листал бумаги, пока виски беспощадно не начали пульсировать от напряжения.

Грег просматривал один документ за другим, но информация о мире за лесом – о реках и растениях, животных и птицах, местах привала, ходе строительства деревень, смертях от болезней и несчастных случаев – сплеталась в единый, неповоротливый клубок. Юноша понимал: измотанный до предела, он попросту тратит время и не сможет сейчас разобраться во всем, как бы ему не хотелось изучить каждую выведенную из-за леса букву. Приняв разумное решение, Грег разложил письма по хронологии — от 330 до 485 года, чтобы утром было легче с ними работать. Затем он запрятал коробку в дальний угол, бросил последний взгляд на заметно поубавившийся беспорядок и отправился отдыхать.

Проснувшись ранним утром, Грег не ощутил усталости, хотя поспал всего несколько часов. Гонимый ужасающим волнением, он первым делом помчался к манящей коробке, спрятанной в тени шкафа. Его мысли всецело поглотили лес, отряды и – самое главное – послания, которые могли пролить свет на «Великое Расселение».

По пути он чуть не сбил служанку, на ходу бросив:

– Завтрак в мой кабинет!

Залетев в комнату, Грег ринулся к коробке, и, найдя ее на прижнем месте, невольно вздохнул с облегчением. Он незамедлительно принялся за работу, и следующие пару часов пролетели в мгновение.

Отодвинув коробку в сторону, Грег устало потер виски. Недосып давал о себе знать – голова гудела от роившихся мыслей. Юноша развернул стул к окну и уставился на колыхающиеся верхушки деревьев. Он невидящим взглядом следил за подрагивающими, молодыми листочками, мысленно раскладывал информацию полочкам:

«Каждые пять лет отряд отправляется за лес, и в ответ королевство получает всего три-четыре вести с разницей в месяц».

«Преодолев лес – обычно без смертей – отряд делает привал, а затем продолжает путь вглубь местности».

«*Ни разу*не было упоминаний о встречах с другими людьми».

«Найдя подходящее место, отряд облагораживает землю, создает быт».

«В посланиях ведется учет рождений и смертей, которые случались редко».

«И самое главное...», – Грег прикрыл глаза. – Послания резко прекращаются, не имея никаких предпосылок. Как будто отряд просто *исчез*».

Грег вздрогнул. Детская надежда вспыхнула, задрожала. Она стучалась, билась в ребра, пытаясь вырваться наружу. Что-то внутри Грега мучительно сжалось, и юноша позволил надежде одержать вверх.

«Джордж не умер, – мысленно зачеркал Грег. Затем, точно вырезая на коже, вывел острым лезвием кинжала. – Джордж *исчез*».

Полный решимости, юноша повернулся к столу и уставился на отложенное в сторону послание от июля 335 года. Грег провел по нему пальцами и сунул в нагрудный карман, не колеблясь.

«Старая загадка, но в новом месте», – твердо решил он.

Глава 8 - Поче

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.